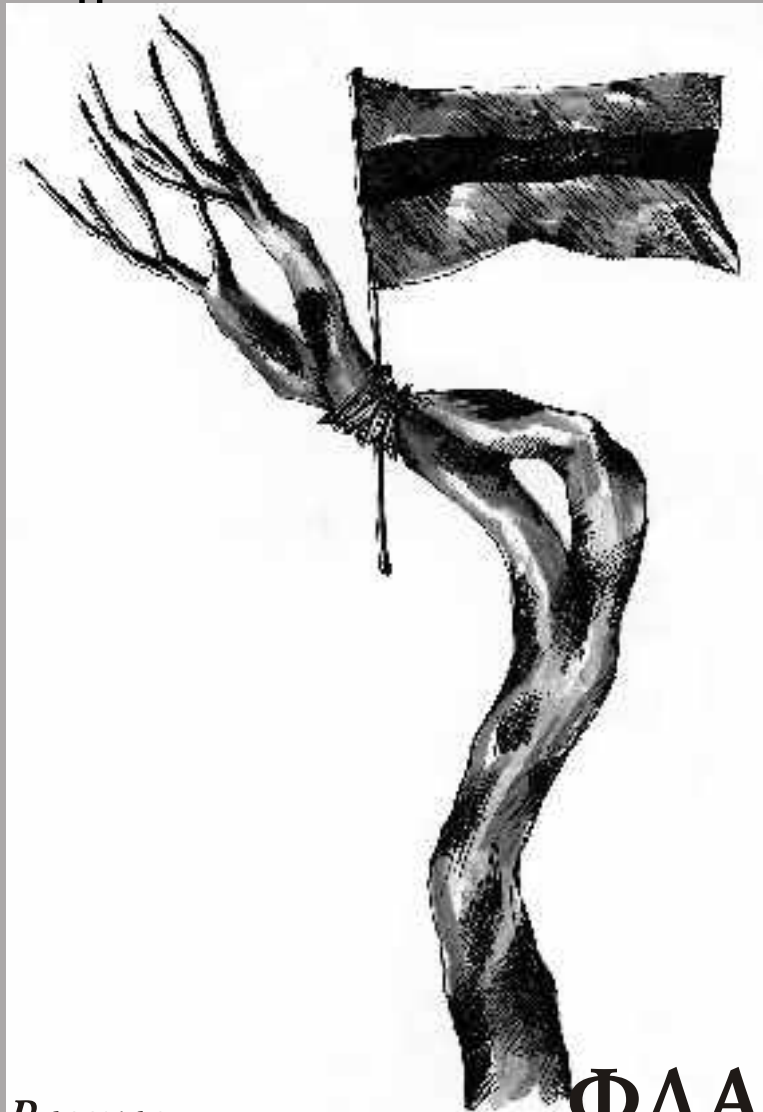

ВЛАДИМИР АРУТЮНЯН

Рассказы

ФЛАГ
НАД ЧИНАРОЙ

ВЛАДИМИР АРУТЮНЯН

ФЛАГ НАД ЧИНАРОЙ

Рассказы

Ереван
Авторское издание
2006

УДК 891.981-32 Арутюнян
ББК 84Ар-44
А 868

Арутюнян Владимир
А 868 Флаг над чинарой: Рассказы/Владимир Арутюнян. – Ер.:
Авторское издание, 2006. – 68 с.

В сборнике рассказов Владимира Арутюняна «Флаг над чинарой» описаны некоторые эпизоды борьбы армянского народа за освобождение Нагорного Карабаха.

Художник **Вазген Пахлавуни-Тадевосян**

ББК 84Ар-44

ISBN 99930-4-668-X

© Авторское издание, 2006.

*Посвящается памяти первого Председателя
Верховного Совета
Нагорно-Карабахской Республики*
АРТУРА МКРТЧЯНА

СОДЕРЖАНИЕ

РУБИК ИЗ ГАДРУТА, ИЛИ ФЛАГ НАД ЧИНАРОЙ	6
ГИМН РЕСПУБЛИКИ	11
ПАРОМ “СОВЕТСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН”	15
ДВА МОСКВИЧА – ДВЕ АРМИИ	18
ПОСТ	22
“НАША” НЕВЕСТА	24
ДОРОГА В “ДРУГОЙ КАРАБАХ”	30
АРМЯНСКОЕ ЦАРСТВО ЗИНАВОРА-ДАЙИ	37
ШАУМЯНСКИЙ РАЙОН СОВЕТСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА ИЛИ ГАВАР АЛУЭ-ВАРДУТ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРМЕНИИ?	45
ГРАНТ МАРКАРЯН И МЫ	53
ГЮМРИЙЦЫ...	57
УВИДЕТЬ КАРС И ВЕРНУТЬСЯ?	61
КАК ПОСЛЕСЛОВИЕ...	65

РУБИК ИЗ ГАДРУТА, ИЛИ ФЛАГ НАД ЧИНАРОЙ

В Гадруте, – недалеко от здания милиции, растет огромный платан, или, как называют его у нас, – чинара. Дерево это видно с любого конца поселка и является одной из достопримечательностей Гадрута, своеобразной точкой отсчета, ориентиром и местом сбора. В разговорах гадрутцев этот платан упоминается как имя собственное: встретимся у Чинары, тот-то живет в доме напротив Чинары и т.п. Как и любая достопримечательность, символ, – эта Чинара насколько доступна, настолько и недоступна: под ее тенью любят играть ребятишки, собираются и беседуют взрослые, договариваются о встрече влюбленные. Однако совершенно гладкий, без сучка и щербатинки, прямой, в несколько обхватов, ствол дерева поднимается до кроны метров на тридцать-тридцать пять и никому не оставляет шансов даже в мыслях примериваться к его покорению. Ясно, что с началом Карабахского Движения Чинаре тоже отводилась в Гадруте своя и, естественно, особая роль.

...И вот однажды, в те дни, когда по всему Карабаху шныряли и шмонали всевозможные ОМОН-ы и ВВ, черные, малиновые и Бог знает какие там еще береты, когда в азербайджанский застенок можно было угодить только за то, что у тебя слишком явно выраженная арменоидная антропология, утром весь Гадрут повалил к Чинаре. Даже воспитательница детского сада привела малышей. На самой верхушке Чинары развевался государственный флаг Армянской Советской Социалистической Республики: Ми-а-цум! Ми-а-цум!

Если бы флаг водрузили тогда даже над райкомом партии или, скажем, над комендатурой, то вряд ли это возымело бы такое действие на людей, как то, что армянский флаг развевался именно над Чинарой. В те дни лишь

двое знали инициатора и исполнителя той дерзкой и рискованной акции. Акции крайне важной в политическом аспекте, но крайне опасной и лежащей за гранью обычных человеческих возможностей в смысле исполнения. Да и сегодня, пожалуй, не все в Гадруте знают, что тогда, под носом у милиции и советских солдат, во время комендантского часа, флаг над Чинарой водрузил житель Гадрута Роберт Бабаян. В самом Гадруте все звали его Рубик.

Роберт был из той категории лиц, жизнь которых проходит, что называется, без аплодисментов, хотя являются они людьми отнюдь не ординарными. Просто об истинной их деятельности, не подлежащей широкой огласке, бывает известно обычно очень узкому кругу.

До начала Карабахского движения Роберт служил в Гадрутском погранотряде, был разведчиком - связным, обеспечивающим "фельдьегерскую связь" с советской резидентурой в сопредельной стране. Поколению, выросшему при советской власти, нет нужды объяснять, что советский человек "просто так" попасть в советскую разведку и "просто так" служить в ней не мог. Кроме всего прочего, в первую очередь нужно было иметь твердую идейную убежденность и преданность строю. Но наряду со всем этим, насколько же глубоко и прочно сидело в этом человеке собственное национальное "я", что, как только началось Карабахское Движение, он, – кадровый советский разведчик, пришел к одному из организаторов Движения в Гадруте Эмилю Абрамяну, и очень просто и буднично заявил: "Я готов ко всему". И Роберт стал одним из тех, на ком в Гадруте фактически держалось Движение. Пора митингов, петиций, речей и обращений уходила безвозвратно. Сомнений уже ни у кого не было: отстоять Карабах возможно будет только ценой крови и силой оружия.

Движение входило в свою решающую фазу, – фазу вооруженной борьбы. В начальной ее стадии, когда готовность и решимость была у всех, а умений и навыков, – лишь у горстки, Роберт был всем, – и инструктором, и оружейником, и проводником, и снайпером, и сапером, и подрывником, и партизаном, и диверсантом. И это в тот период, когда в районе бесчинствовала военная комендатура во главе с палачом Гадрута Кравченко (кстати, впоследствии он был застрелен в Красноярске).

Когда же начались полномасштабные военные действия, – Роберт опять весь в деле. Вот, надев старомодные очки, он ремонтирует пулемет, потом приладил оптический прицел к карабину, поколдовал над прибором

ночного видения, сел, вытер руки тряпкой и вышел из мастерской. Не спеша и очень обычно, – как идут на обеденный перерыв, – прямо из мастерской, – в разведку. Ночное нападение на наш пост, – спешим туда. Не выдержав шквального огня, турки поворачивают обратно. Вместо них у бруствера вдруг бесшумно вырастает Роберт со связкой трофейных автоматов. Возвращаемся обратно. Все спать. Роберт опять растворился в темноте.

– Там, внизу, участок метров 200 заминировать надо, – доносится из ночи его голос.

Проблемы сна, разграничения дней, времени суток для этого человека не существовало. Он жил и действовал в ином, непостижимом для многих, временном измерении, – в одном Едином Военном Времени, которое имеет **свои** начало и конец и действительно не признает, – день сейчас, или же ночь. Роберт как бы вобрал органически это время в себя, нес его в себе, являясь как бы его живым хронометром. . И весьма символично (а может и закономерно), что с его гибелью оборвалось и это военное время, – на карабахском фронте наступило перемирие. Война эта, отсчет времени которой шел через феномен Роберта Бабаяна, без него идти уже не могла.

...Борьбе за Карабах Роберт отдал не только всего себя, но и того, кого любил больше своей жизни, – двадцатилетнего Сережку, – так он называл своего сына Сергея, – единственного брата двух сестер. Сережка для Роберта не был просто сыном, – он был соратником по борьбе, напарником в разведке и в бою. Вместе они брали вершину Топачах, по возвращении откуда Сережку и накрыло залпом “Града”. Потерю сына Роберт переносил мужественно. Столь мужественно, что всем нам становилось порой действительно не по себе. Помню, осенью 92-го, дней через двадцать после гибели Сережки, мы с Робертом поднялись на кладбище навестить могилу. Положение Гадрута тогда было не из легких: передовая проходила буквально за окраиной поселка. Регулярные артобстрелы, разрушения, жертвы. Настроение жителей подавленное, кое-где нет-нет, да и вспыхнут разговоры: надо отсюда уходить, не то постепенно всех “градом” перебьют.

Сидя у свежего холмика Сережки мы беседовали о сложившемся положении, об отдельных попытках людей любой ценой выехать из Гадрута. И Роберт, в свойственном ему спокойно – будничном тоне сказал: “Пусть уезжает кто хочет. А мне уезжать некуда. Если вдруг турки пойдут на поселок, я знаю, что мне делать. Вырою окоп рядом с могилой сына,

запасусь вдоволь патронами и буду драться до конца. Рядом с сыном и лягу в землю”.

...Роберт погиб в 94-м под Градизом и похоронен рядом с сыном. А в доме, что у подножия горы, остались жить две бессыновние вдовы, – его жена и мать.

Сентябрь, 1997г.

ГИМН РЕСПУБЛИКИ

Погиб наш командир Арто. Младший сын варпета Мукуча из старого гюмрийского рода Терзянов. Это потом местный комитет АРФД будет именоваться “Артавазд Алиханян”, а самого Арто посмертно наградят Боевым Крестом. А пока на дворе конец июня 92-го, и мы, после очередного посещения его могилы, сидим в “домиковом” ресторане, что рядом с кладбищем (либерализация делает возможным и такое) и молча пьем...

Когда начались события 88-го, Арто был в России. В Армению вернулся после землетрясения и, несмотря на ущерб, нанесенный стихией его родне и отцовскому дому, полностью отдался борьбе за Арцах. Имея за плечами службу в Советской Армии, 2 года военного училища, он рвался в “дело”, как бы спеша поскорей наверстать упущенное. В составе небольшой группы он был послан сначала в Гадрут, участвовал в освобождении Тоха. Потом были Каринтаг, еще несколько “десантов” в Гадрут. Арто очень быстро проявил себя, его мнение стали ценить, рассчитывать и опираться на него. А на войне, как известно, на пустом месте авторитета не завоеешь.

И вот конец мая 92-го. Дни опьянения от побед и в переносном, и в буквальном смысле: штурмом взят Шуши, очищен Лачин. Фронт стабилен, но все уверены, – даже это временно, это еще не все: скоро наши начнут продвижение по всем направлениям. Арто в спешке. Вернувшись из Гадрута, он наскоро засекает арендный участок (семью-то кормить надо) и торопит, торопит: когда выезжаем?

Мая 25-го утром выезжаем в Карабах. Отряд небольшой, – примерно взвод. Как и договаривались, с родными все попрощались дома. На месте сбора провожающих нет. Только вот варпет Мукуч пришел. Арто вскипает, – мол, что за хлипкость, зачем?! Дядя Мукуч снисходительно, одними глазами, улыбается: не сердись Арто джан! Столько раз отправлял, – не

приходил. На сей раз решил прийти. Эх, дядя Мукуч! Все же отцовское сердце что-то предчувствовало...

В Шуши передаем отряд “из рук в руки” Гранту Маркаряну, а тот, – в батальон Жирайра. Попали буквально с корабля на бал. В этот же вечер отмечается день рождения командира восьмой роты. В “президиуме”, – сам именованный, – преждевременно посевевший (что придает ему еще большее обаяние) красавец Вагиф, рядом, – Грант Маркарян, и.о. председателя ВС НКР Георгий Петросян, постпред НКР в Армении Манвел Саркисян и “другие официальные лица”. Слышим, наверное, все “имеющиеся в наличии” армянские диалекты. Вместе с карабахцами и “айастанцами” здесь также и бойцы – армяне с разных концов света. Играет “живая” музыка, поет “живой” дипломированный баритон, – боец Тигран по кличке “Бетон”. Смех, гогот, пальба, ликование, – армяне пируют в освобожденном Шуши!

...А через несколько дней началось то, чего не мог предвидеть никто даже в самых мрачных прогнозах. Пал Шаумян, враг стремительно продвигается, захвачены уже села и на правом берегу Тартара. Эйфорию сменяет растерянность, порой переходящая в панику. Правда, – пока еще только отдельные ее вспышки. До массовой паники дело все же не доходит. Но в недоумении все. Как же такое могло случиться? Как же могла, – еще вчера позорно бежавшая азербайджанская армия, – сегодня начать столь крупномасштабное и столь успешное наступление. Рассказы появившихся беженцев расставляют все по местам: отступаем не под натиском азербайджанских войск, а под натиском русских танков...

10 июня Арто во главе приданной ему роты уже у Срхавенда. Поставлена задача, – во взаимодействии с другими отрядами удержать контроль над шоссе и мостом через реку Хачен, чтобы, с одной стороны, дать возможность беспрепятственно пройти тысячам беженцев из Шаумяновских и Мартакертских сел, с другой стороны, – не дать возможности противнику перебросить из Агдама на север подкрепление. Хотя уже взят и сожжен на наших глазах Кичан, но дорога все равно под нашим контролем. 15 июня разгорается крупный бой под Срхавендом. Как показал на одном из судебных процессов в Баку солдат азербайджанской армии И.Гулиев, принимавший участие в этом бою в составе Джалилабадского батальона, “...в этом бою 46 человек из Джалилабадского батальона попали в окружение врага и многие погибли. Во время выхода из окружения были подбиты 3 танка Т-72 и БМП-2 азербайджанской армии”. Остовы этих машин и по сей день еще валяются в поле близ шоссе на Мардакерт.

А 17 июня был дан приказ взять селение Али-Агали, что в Агдамском районе. Арто оставил на высоте прикрытие и, взяв с собой наиболее

опытных бойцов, двинулся к селу. По поступившим ранее данным, в селе не должно было быть сколь-нибудь значительных сил противника, тем более техники. Но у крайних домов атакующих встретил шквальный огонь, “заработал” танк. Атака захлебнулась, стали поспешно выносить с поля убитых и раненых.

Перейдя обратно реку Хачен, переждали, когда огонь поутихнет и незаметно, врассыпную стали возвращаться на исходные позиции. Не досчитались только двоих: одного бойца из Степанакерта и нашего Арто. Медсестра Агуник потом рассказала, что у ручья прямым попаданием их накрыл танк. А буквально через два часа Али-Агали был взят. Но уже другим отрядом. И уже практически без особых усилий. Азеры после первой нашей атаки действительно стали отходить из села.

Бой тот, конечно, в один ряд со Сталинградом или Аустерлицем историки не поставят. Но, как говорится, Богу-Богово...

И вот мы сидим и молча пьем за Арто. Из соседней кабины слышим мелодию дудука. Приглашаем “трио” к нам. Лица все знакомые, – это музыканты городского “Рабис”-а. На свадьбы и похороны их уже редко приглашают: 92-й год, – не до жиру, быть бы живу. Вот и подрабатывают, навещая подобные заведения. Сыграли одну-две традиционно грустные кладбищенские мелодии. Просим сыграть что-нибудь боевое, – во славу, а не за упокой командира. Они, полупьяные, обмякшие, – как-то подтянулись, загадочно переглянулись и... полился гимн нашей страны. Гимн Армении. Мелодии величавей, что звучала в той невероятной, фантастической аранжировке, мне слышать больше не приходилось. Мы все, как по приказу, встали. После последних звуков простояли молча еще минуты - две и вышли. Вышли совсем не теми, какими вошли в этот прикладбищенский кабак. Растерянность, обреченность куда-то исчезли. Всем вдруг стало стыдно друг перед другом за бездеятельность и позорную безысходность.

...Утром отряд в полном составе на “Урале” Самвела отправился в Карабах. Командира уже не выбирали, а влились в состав уже “готового” батальона.

...Каждый год, в день гибели Арто, мы берем то знаменитое “трио” и едем на кладбище. И над надгробиями погибших азатамартиков из Гюмри в этот день в бесхитростной той аранжировке звучит гимн Республики Армения.

Июнь, 2002г.

ПАРОМ “СОВЕТСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН”

Есть люди, однажды познакомившись с которыми, в дальнейшем чувствуешь потребность общаться с ними все чаще. Именно таким было мое знакомство с Адиком, – одним из тех бакинских армян, которые, уцелев от погромов, в феврале 1990-го оказались в Ереване.

Адик, – он же Адольф Хачиян, – был единственным и, увы, блудным сыном в семье бакинских армян, – интеллигентов еще аж дореволюционного разлива. . Дед по матери изучал философию в Сорбонне, отец, – известный инженер-изобретатель, один из тех, кто закладывал город в море Нефтяные Камни. Мать, – финансист с московским образованием. А сам Адик прекрасно играет на пианино (научили бабка и мать), свободно владеет французским (сам “сорбонский” дед давал ему уроки) и имеет довольно реликтовую для 80-х – 90-х годов профессию, – классный вор-карманник, имеющий несколько отсидок.

... Адик искал свою мать, след которой потерял во время погромов. Хотя тетю Арфению со двора Солнцева - 8 в Баку знали многие, но известий о ней ни от кого из беженцев получить не удавалось. Адик буквально убивался: кроме естественных и понятных чувств, общеизвестно, насколько почитаем в уголовном мире культ матери. Возлагать какие либо надежды на “официальные каналы” не имело смысла, – это было более чем очевидно.

Но в уголовном мире есть свои законы и традиции, которые в подобных ситуациях зачастую оказываются несравненно эффективнее государственных.

Короче, через посредников, в Баку было послано предложение и оттуда получено согласие с гарантией безопасности, чтобы “туда” поехал человек с заданием узнать, что возможно, о судьбе тети Арфении.

Два вояжа ничего не дали, хотя и была проделана огромная работа: “ходоку” был создан доступ даже к ряду бумаг прокуратуры и милиции. Однако слабая надежда все-таки оставалась. И вот после третьего визита картина, как говорится, прояснилась окончательно. Визитер “вышел” напрямую на милиционера – азербайджанца, который волею случая оказался свидетелем последних часов Арфении Хачиян.

... Очередную партию беженцев-армян переправляли из Баку в Красноводск на пароме. Беженцев сопровождал наряд азербайджанской милиции. Когда паром вышел в открытое море, азербайджанцы-милиционеры затащили в свою каюту девочку - армянку лет 12-13 и стали насиловать. Человек 10-12 из мужчин - беженцев бросились было на помощь. Их встретили предупредительные выстрелы. Мужчины, сознавая свое бессилие, метались в проходах, кидали в каюту что попало, а из каюты продолжали раздаваться вопли девочки и хохот насильников.

Но вот двери каюты распахнула пожилая армянка. В руках она держала гранату. С криком проклятия она бросилась в гущу насильников... Двое скончались на месте, один чуть позже, а еще один будет всю жизнь ходить с пустыми глазницами. Так свела свои счета с азербайджанскими погромщиками тетя Арфения, – 72-летняя армянская женщина Арпеник Хачиян.

... Тело тети Арфении азербайджанцы выбросили в море, а в Красноводске был составлен протокол, что на пароме “Советский Азербайджан” произошел взрыв...

Октябрь, 1997г.

ДВА МОСКВИЧА – ДВЕ АРМИИ

Хочу рассказать два случая, очевидцем которых я был, а комментарии оставляю читателю.

Осень 92-го года. Мы везем груз в Гадрутский район. Утром в Степанакерте, при выезде из штаба, к нам подбегает русоволосый, со славянскими чертами лица паренек в военной форме и на “российском” русском обращается к нам.

– Может, в сторону Красного Базара едете?

– Да, а что?

– Подбросьте и меня, пожалуйста.

– А в чей отряд тебе нужно?

– Да не в отряд. Ночью нас отправляют в сторону Мартакерта, еще неизвестно, когда вернемся. Перед этим хочу успеть бабушку навестить. У меня еще часов десять в запасе. Успею.

– Какая еще бабушка? За армянина вышла замуж, что-ли?

– Как за армянина? Так она же сама армянка! Местная, карабахская, из Драхтика.

– Так ты сам-то ведь русский!

– Наполовину. Москвич я. Мать русская, а отец армянин. Здешний. Тоже карабахский. Служил в Москве. После службы там женился и остался жить.

– А ты как здесь очутился? В степанакертском полку прежде служил, что-ли?

– Не-е-ет! Два-три года мы внимательно следили, что тут происходит. Когда узнали, что тут уже война между армянами и турками начинается, собрались с нашего двора четыре самых близких друга, – и сюда. Двое тоже такие, как я, – полуармяне-полурусские, а один, – чистый русский. Говорит, я тоже с вами. Я ведь христианин. И собаку свою мы с собой

взяли. Тут нам БМП дали. Нас так и называют, – четыре танкиста и собака.

– А дома, как, спокойно отпустили?

– Какой там отпустили! Мы сбежали. Из Еревана потом только позвонили, – не беспокойтесь, мол, мы живы здоровы. Потом добрались сюда. Через два месяца приехал отец, разыскал меня тут и говорит: “Давай, собирайся, едем домой”. Ну я ему отвечаю: хорошо, что приехал, повидались, а домой не поеду. Я остаюсь в Карабахе. А потом добавляю: – ведь ты же сам мне говорил, что это наша земля. Ну он смотрит на меня, заморгал как-то, а потом вдруг и говорит, что сам тоже не поедет. Вот вдвоем теперь и воюем. Он недавно был ранен, пока в госпитале. Вот бабушку хочу сейчас предупредить, что я уезжаю, а отца, наверное, отпустят дней на двадцать домой, подлечиться – поправиться.

... Лето 93-го года, – примерно неделя до взятия Агдама. Несколько дней на позициях было какое то необычно – ленивое затишье. Бывали случаи, когда и с этой, и с той стороны пройдутся во весь рост, – и ничего. Так, стрельнут просто разок-другой и все. Кажется, даже пуле лень лететь в эту жару и падает она на землю раньше положенного. Вдруг видим, с “той” стороны к нам спокойно идут двое. Впереди, весь увешанный оружием, с гранатометом на плече, – рослый парень в камуфляже. Чуть сзади, как бы подгоняя его, – щуплый старик с посохом. Мы его узнали, – это был знакомый пастух из ближайшей деревни, часто заходивший на позиции, помогавший воинам и советами, и делами. Особенно в разведке.

– Ну вот. Человек просил, я его привел. Принимайте. Хотите, – как гостя, хотите, – как пленника.

– Привет. Гостей принимаете? Да ведь я не с пустыми руками.

“Гость” беседует на чистом русском, с чуть заметным азербайджанским акцентом. Держится без страха, без лишней нервозности, довольно спокойно. Создается впечатление, что этот азербайджанский солдат ко всему происходящему никакого отношения не имеет и иметь не желает и попал сюда совершенно случайно. И единственное его желание, – это поскорей выбраться из этой чуждой для него ситуации. Допрос в штабе подтверждает, что впечатление недалеко от истины. Сам он живет в Москве. Приехал в Баку навестить родных. На улице изловила военная полиция и отправила на фронт. Он пытался пояснить, что является гражданином России, но ему сказали, что это неважно, – он “обязан защищать свою Родину”.

– Но какую Родину? Карабах, что ли? Причем тут я, причем те, кто гибнут? За что они воюют, что и кого защищают? Я не понимаю. Мне говорят, ты защищаешь свой дом, свою землю. Но от кого и какую землю? Я

в истории не силен, но если в Карабахе жили и живут армяне, значит это их земля. Ну и пусть живут. А воевать и погибать тут, неизвестно за что, я не собираюсь. Короче, ребята, там у меня мощных родственников нет и для крупного обмена я не гожусь, так что держать меня тут незачем. Разойдемся по мирному. Помогите мне добраться до Москвы.

Продержав еще несколько дней, командование так и поступило. Целым и невредимым нашего “дорогого гостя” отправили в Москву. С этой войной, действительно, он ничего общего не имел.

Не исключено, что в Москве эти два парня встретятся. Может, даже и будут дружить. Как два москвича...

Октябрь, 1997г.

ПОСТ

...Конец мая 92-го. Всех пьянит победный дурман Шуши и Лачина. Ничего пока не предвещает катастрофы Шаумяна, трагической сдачи Мардакерта. Многие, прежде прятавшиеся по углам, – теперь, напивлив на себя новенькие камуфляжи, – под любым предлогом рвутся в Карабах. Парни, понимаете ли, сильно раздосадованы, – опоздали на победоносную войну. Теперь же им надо успеть любой ценой “застолбить” хотя бы просто сам факт своего пребывания в Карабахе, – скажем, сфотографироваться у подбитого танка. Да, да! Были и такие...

А в самом Шуши отмечается удачное возвращение из-под Нарештара одного из отрядов. Звучит музыка, поют бойцы, – кто что знает, и кто как может. Словом, – кругом одно веселье! С одним из парней мы вышли прогуляться. У ворот турбазы, что служила теперь казармой, стоял постовой. Мешковато-нестроевой человек с перекошенным ртом, что обычно случается вследствие нервного удара. Ну совсем уж не боец. Да и автомат на его плече, – дулом вниз, – смотрелся скорей как берданка, а не как боевое оружие. Мы спросили его, почему, мол, не поднимешься наверх, попить. Он уклончиво ответил: “Не хочу”. А потом добавил: “Я на посту.” “Так давай скажем командиру, сменим тебя”, – пристали мы. Двое бойцов, его сослуживцев, бросили нам: “Оставьте его в покое. Все равно он не пойдет. Он дал обет с поста не отлучаться”. Мы сразу умили свой пыл, вопросительно смотрим на него. Молчит. Потом нескладно, с явным нарушением речи: “Тхерк джан. Мой единственный сын погиб при взятии Шуши. Детей у меня больше нет. После похорон я сказал жене, что дома мне делать нечего. Поеду в Карабах, займу в строю место сына. В бой меня не берут. Вот, – доверили пост. Теперь я здесь и дал обет, – пост не покидать”.

Октябрь, 1994г.

“НАША” НЕБЕСТА

Поедешь на танке

После взятия Ходжалу вновь появилась возможность воздушного сообщения со Степанакертом. И вот в феврале 92-го с Манвелом Саркисяном, – представителем НКР в Армении, на ЯК-40, груженном двухсотлитровыми бочками с соляровкой и бензином, мы летим в Карабах. Везем первую зарплату для воинов только-только становящейся на ноги регулярной армии Нагорного Карабаха. Уже через несколько минут после взлета мы чуть было не отправились на небеса со своим миллионным багажом. Двое карабахцев, сумевшими только им одним известными доводами все-таки уломать непоколебимого на сей счет Вазгена Саркисяна и перед самым вылетом все же протиснувшимися в самолет, наверное на радостях, едва только самолет оторвался от земли... закурили. Мы даже и не успели сообразить, что происходит. К счастью, в этот момент из кабины вышел один из пилотов, чтобы проверить не сместились ли бочки. Увидев курящего, он совершенно реально потерял дар речи и инстинктивно направил на него пистолет. Тот разинул рот и с перепугу...просто проглотил сигарету. Мы благополучно сели, но злоключения наши на этом не кончились. При выгрузке одна из бочек сорвалась и, будучи небрежно закупоренной, обильно полила соляровкой одну из картонных коробок с деньгами. Деньги мы с аэропорта привезли на самосвале, который очень торопился и, не дожидаясь пока мы разгрузим, просто свалил их перед зданием Верховного Совета НКР. Председатель Верховного Совета Артур Мкртчян сначала решил поместить армейский “капитал” у себя в кабинете, но потом передумал. Это были дни жестоких обстрелов со стороны Шуши и несколько попаданий по зданию ВС уже было. Так что, опасаясь возможных новых прямых попаданий по зданию, Мкртчян предложил повезти деньги к ним домой. Там была “мертвая зона”, – снаряды туда не

падали. Повезли, стали выгружать. Облитый соляжкой и уже порядком подмякший короб достался аккурат тогдашнему зампреду Верховного Совета Георгию Петросяну. Он встряхнул короб, чтоб поудобней взяться, но подмокнувшее дно разошлось и ... в февральскую грязь полетели сотни пачек банкнот "различного достоинства". Ситуацию, более нелепую, и представить трудно. Ежедневные обстрелы, смерть, разрушения, весь город ютится в подвалах, а тут, – деньги ящиками несут в дом Председателя. "Па! Смотрите сколько денег! Куда это интересно их несут?" – крикнул один из собравшихся. Георгий Петросян, растеряно и как-то виновато стоя над проклятой кучей денег, сбивчиво пытается объяснить, что привезли мол первую зарплату для родной нашей армии. "Да ну, зарплату для армии", – бросил кто-то другой. "Ну конечно же. Какая там еще зарплата. Это мы привезли взятку вашему Председателю, – вмешался в разговор я, – целый самолет денег! А эти вот, – пойдут на растопку печки. Видите, даже предварительно их соляжкой пропитали". То ли шутка оказалась удачной, то ли сам факт присутствия "айастанцев" здесь, в это трудное время, возымел определенное действие, но обстановка явно разрядилась. Даже стали помогать нам обратно укладывать деньги в коробку, с явным удовлетворением поясняя уже друг другу, мол как здорово, вот из Армении привезли уже и первую зарплату для нашей армии. Мы поднялись наконец к Артуру. Георгий, вспотевший явно не от "поднятия тяжестей", сходу грохнул граненый стакан водки, а немного расслабившись, стал очень серьезно и долго благодарить меня, – "за сообразительность и находчивость". Но и это было еще не все.

Конечной целью моего маршрута было село Тох, и поэтому, чтобы безбедно доехать до места, я предусмотрительно прихватил с собой целых три канистры бензина. Но бензин мой был немедленно тут же конфискован сразу после акта приема-сдачи денег: Артур Мкртчян, несмотря на свой сдержанный нрав, очень обрадовался, когда я ему сказал, что приехал я со "своим" безином. По простоте душевной мне сначала показалось, что он просто удовлетворен тем, что я не собираюсь кого-либо утруждать. Я даже добавил немного иронично: "Вот видите, господин Председатель, я не навязываю лишних затрат нашему молодому государству". "Да какой там Председатель, – горько парировал Артур, – вон, в машине у меня остались последние три литра. Ты со своими тремя канистрами тут не то что на Председателя, аж на султана сегодня можешь потянуть". И тут же распорядился передать эти шестьдесят литров "летучке", спешащей после обстрелов Степанакерта в пункты попадания. А мне спокойно и

невозмутимо сказал: “Туда сейчас как раз перебрасывается техника, поедешь на танке”.

Везем невесту

О “поездке” как таковой, – в обычном понимании этого слова, – говорить в те дни можно было весьма и весьма условно. Единственным работающим в городе “транспортом” (невоенного характера) был старенький фургон-“Москвич”, наспех доставляющий после обстрелов убитых и раненых в госпиталь, который развернули в низовой части крепкого массивного здания бывшего облисполкома. О междугороднем сообщении не могло быть и речи. Во-первых, все транспортные средства были брошены на нужды армии, а во-вторых, куда-нибудь и ехать-то было невозможно: с Шушинской скалы все дороги из Степанакерта держались под контролем. “Моя” дорога, – шоссе Степанакерт-Шош-Красный Базар – также была на замке. Не то что под обстрел попадешь, а запросто можно угодить прямо в лапы туркам. Но, слава Богу, после взятия Малибейли за несколько дней бульдозером прочистили объездную дорогу через Дашушен. Правда, труднопроходимую, но несравненно более безопасную. Где-то к пяти часам шофер Артура нашел меня и сообщил, что вечером в сторону Тоха выезжает “Урал”.

...Говорят, что животные очень остро чувствуют опасность, в такие моменты становятся более понятливыми и помогают человеку, как могут. Могу утверждать, что и техника также наделена подобными свойствами: той ночью я уверовал, что наш “Урал”, сжигающий вместо солярки разбавленное спиртом отработанное масло и ползущий по непролазной февральской грязи, действительно был наделен разумом. Он знал, он чувствовал, что этот опасный, труднопроходимый даже для гусеничного транспорта участок он обязан пройти. Он, этот невероятный наш “Урал”, осознавал, что от него зависит судьба людей, доверившихся ему. И главное, – судьба невесты, которую он взялся довести до ее суженого...

Уже было темно, когда после долгих проволочек мы вроде бы двинулись в путь. Народу набилось довольно много. Сидим в крытом кузове прижавшись плотно, и вдруг шофер объявляет, что надо заехать еще и “за невестой с приданым”. Мол, командир такой-то женился, но за невестой приехать сам не может: не бросать же позиции. А ее нужно довести до жениха в целости и сохранности. “Вот и зарплату очень кстати привезли, – подумал я, – жениху, наверное, двойную выдадут”. Подъехали к невестиному дому. Нас встречают одни женщины, да еще двое стариков. Вынесли

“ачкалуйс” – бутылка тутовки и сухофрукты в качестве закуски. Пока мы наперебой желаем счастья молодым, родня начала загружать приданое: какие-то ковры, баулы, перевязанные веревками узлы и чемоданы, сундуки, корзины и прочее добро. А поверх всего посадили невесту, – в изящных белых туфельках и подвенечном довольно пышном платье, с накинутым на него поношенным пальто (новое платье как-то сшить сумели, но откуда тогда было достать новое пальто!). Сопровождали ее несколько молодых, – то ли родственниц, то ли подруг, – как и невеста, – в изящных туфельках, совершенно не “гармонирующих” со всей ситуацией.

Миновали мы несколько постов и выехали на небольшое плато, где начинала разворачиваться наша батарея. Артиллеристы советуют дальше не ехать: дальше, километров почти десять неконтролируемого участка. Во-первых, ночь очень лунная, а дорога досягаема для артиллерии противника, во-вторых, вчера там была устроена засада и турки взяли несколько заложников.

Что делать? Все в один голос: “Ехать, ехать”. А оружия ни у кого. Едем так едем. Сказать, что начинает одолевать страх, значит сказать очень мало. Ощущение еще более противное, чем “просто страх”, – это ощущение своей абсолютной беспомощности, если, не дай Бог, наткнешься на турок. Смотрю на невесту. Никаких эмоций. Сидит себе кротко на узлах. Сидит с таким видом, будто никакая опасность ее коснуться не может. Артиллеристы все же решают послать с нами одного автоматчика. Вроде бы стало легче и даже веселей.

Перед длинным подъемом по распоряжению шофера все сходим: если вдруг и случится засада, то одно дело машина со всей начинкой, другое дело так, – раздельно, врассыпную. Сходит и невеста. Под ярким лунным светом наряд ее выглядит еще красочней. Попутчики наши идут как-то настороженно, озираясь, пригнувшись. А невеста, – цавт танем! – статная, размеренно, с достоинством, без всяких признаков беспокойства и суеты. Даже подол чуть подобрала и кусты обходит, чтоб колючки не зацепили платье. Автоматчик советует: “Держитесь левее меня”. Подхожу к нему, поясняю: видишь, с нами невеста, давай держаться поближе к ней, чтоб в случае чего в первую очередь обеспечить ее безопасность. Парень улыбнулся, кивнул, и весь подъем мы шли в двух-трех шагах от невесты. Как заправские телохранители. Она, как и подобает царевне-невесте, уверенное, даже и не заметила этого эскорта.

А внизу буксовал, урчал, надрывался, но все же упорно полз и полз вверх тот невероятный наш “Урал”. Он спешил, спешил, чтобы довести, обязательно довести невесту до ее судьбы.

... В селе, где встречали в ту ночь “нашу” невесту, потом я бывал довольно часто. Хотя отлично помню ее имя, но ни разу не справлялся о том, как сложилась ее жизнь. Не хотел. Очень боялся. А вдруг узнаю, что стала вдовой...

Октябрь, 1997г.

ДОРОГА В “ДРУГОЙ КАРАБАХ”

Прошло уже 5 лет, как погиб первый руководитель завоевавшего свою свободу Нагорного Карабаха Артур Мкртчян.

Когда человек выходит за рамки чисто дружеских, приятельских отношений и становится общественно значимой личностью, то “просто” друзьям писать или говорить о нем становится очень трудно. Когда “просто” друг говорит о каком-либо политике, то, с одной стороны, это рассматривается как предвзятая, тенденциозная пропаганда и реклама в пользу последнего. С другой стороны, откровения приятеля как бы низводят политика с Олимпа, нивелируют и делают его в глазах, как сейчас бы сказали, “электората”, – простым смертным.

Однако все это к Артуру, пожалуй, не относится. И не потому, что “о мертвых либо ничего, либо только хорошее”. Нет. Просто Артур Мкртчян был той личностью, которая в человеческих отношениях никогда “в политику не играла”, а проявляла мудрость и широту охвата, свойственные политическому деятелю, а в политике никогда не теряла своих высоких человеческих качеств. И поэтому, может быть, именно ему привелось, подобно Араму Манукяну, в тех экстремальных условиях первым встать во главе молодого государства и принять бразды правления своим народом в самой решающей, – начальной фазе его вооруженной борьбы. Артур Мкртчян был одним из тех, кто закладывал основы этой борьбы, – победоносно завершившейся, – но уже без него...

С Артуром мы познакомились в августе 1986 года в Гадруте. Каким нам представился Гадрут летом 86-го? Даже беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы понять: национальная политика, проводимая “братским” Советским Азербайджаном, тут действительно добилась решающих успехов. Административная граница района была как бы изъедена кислотой, искромсана и разодрана каким-то чудовищным механизмом: всевозможные зигзаги, какие-то немыслимые анклав. Уже

около трети населения района составляют азербайджанцы. Мы приехали из Мартакерта в Физули, и таксист-армянин, взявшийся свезти нас в Гадрут, с отдающей горечью издевкой спросил по дороге: “Что, приехали Карабах к Армении присоединять? Пустое дело! Карабах потерян навсегда. Турки здесь уже повсюду. Через несколько лет в районе не останется ни одного армянина. О вашем прибытии сегодня же доложат в КГБ, а завтра в лучшем случае предложат в 24 часа покинуть пределы области. А будете артачиться, так вообще засадят!”

Доехав до Гадрута, мы решили перекусить и зашли в чайную.

Ассортимент съестного был не слишком широк: помидоры и, прошедшее многолетнее испытание на прочность, печенье. И чай. Хлеба, конечно, не было. На наше недоумение буфетчик заметил, что удивляться нечего. Для того, чтобы выпить, например, стакан газировки или съесть мороженого, надо съездить в Физули. А недавно, вот, наши поехали и привезли в поселковый ресторан пиво из Гориса. Так директора вызвали, обвинили в национализме и пригрозили снять, если подобное повторится. И, подавая нам чай, с опаской шепнул: “Пейте на здоровье, но лишнего ничего не говорите. Тут кругом стукачи”.

В ночлежке, называемой гостиницей, нас приняли, как сбежавших из лепрозория. Но все же поселили, предупредив, чтоб воду открытой не оставляли (ее, конечно, вообще не было), окурков на пол не бросали и, – самое главное, – с другими постояльцами “лишних разговоров не вели”. А парень, стоявший у окошка администратора, лукаво подмигнул и радостно, как бы гордый за нас, шепнул: “За вами уже следят!”

Мы, конечно, были тронуты подобным вниманием, но все же решили использовать свое “тайное оружие”. У нас была записка от мартакертского военкома Сергея Оганесяна на имя прокурора Гадрута, чтобы тот помог нашей экспедиции с размещением, транспортом и т.п. Прокурор Роберт Давтян принял нас настороженно, а узнав о цели нашего приезда, явно взгрустнул. И как-то печально-меланхолически добавил: “Это хорошо, что вы занимаетесь изучением памятников Карабаха. Но помочь, к сожалению, ничем не могу. Да тут и интересного-то толком ничего нет. Но раз вы приехали, то я обязательно доложу о вас второму секретарю. Идеология, – как раз его позиция”.

Мы тактично заметили ему, что если помочь не может, то это ничего, а докладывать куда-то не стоит. Зачем, мол, нам такая честь. Он как-то неопределенно и задумчиво проводил нас, наказав обязательно зайти утром:

“Может, чтонибудь придумаем”.

Утром он выглядел уже уверенней и бодрее и радостно объявил: “Ну вот, все в порядке. И второй, и даже первый секретарь, уже в курсе, думаю и КГБ также поставлен в известность. А насчет транспорта, – так у меня есть собственный “жигуленок”, но он вряд ли поедет в горы”. Мы сердечно поблагодарили и вышли. На выходе к нам подошел еще один очень серьезный, как он представился, – «ответственный работник идеологического отдела». Он сказал, что отлично нас понимает, вставив при этом: де, менк ел енк айренасер. После чего стал требовательным тоном убеждать нас поскорее уехать из Гадрута: Вы нам создаете проблемы с турками. Вы уедете, а после вас у нас будут большие неприятности. А в заключение продемонстрировал также и свои познания по части истории: А кто сегодня точно может сказать? Может мы и на самом деле являемся потомками албанцев.

Впечатление от всего было тягостным и гнетущим. Было ощущение, будто эти два дня мы общались с больным, уже давно знающим о смертельном исходе своей болезни, но исправно и смиренно доживающим свои дни, осознающим тщетность каких-либо шагов против предрешенной участи и поэтому не предпринимающим решительно ничего.

Потом впечатление это еще больше усугубилось: по маршруту экспедиции нам часто встречались полностью или частично заброшенные селения, одичавшие, заросшие сады. Да тут еще и горбачевская антиалкогольная кампания, немедленно принятая здесь к исполнению. Почти всюду красовались поверженные рассадники алкоголизма: стволы срубленных несчастных тутовниц. Да что там вырубка туты! В селе Тох учитель математики, угощая нас, извинился, сетуя, – вот мол, дожили, – у карабахца на столе нет тутовой водки. Потом вдруг решился, запер дверь и с видом идущего на эшафот бунтаря сказал жене: “Будь что, будет! Достань **То!**” Из тайника за гардеробом была извлечена полупустая бутылка с тутовой водкой. Ее быстро распили, сразу же спрятав “вещдоки”, и... распахнули окна, чтоб запах не остался. А в селе Булутан, где после нашего двухдневного пребывания председатель колхоза устроил нам проводы, “конспирация” была еще более впечатляющей: водки вообще не было, а вино принесли в серых канистрах из-под жавели и распивали какими-то металлическими стаканами. А опорожненные канистры тут же наполнялись ключевой водой. Все увиденное здесь довольно сильно контрастировало с тем, что мы вели в Мардакерт и Шаумяне, где мы побывали в предыдущие два-три года. Там, во всяком случае, скажем на свадьбах или же траурных церемониях среди гостей турков видно не было. Здесь же, под видом «дост» и «кирва», на подобные мероприятия почти в

обязательном порядке заявлялись и представители «братского» народа. И надо сказать, чувствовали себя довольно уверенно. Да, явственно чувствовалось, что засилье турок здесь – процесс, почти что уже необратимый, что смертельные метастазы опутали район, пустили щупальца по всему его телу, что Гадрут бьется в конвульсиях. А инициаторы болезни злорадно ждут неминуемой агонии. Но наряду со всем этим, здесь, в Гадруте, в глаза бросалась все же и другая особенность. Это была характерная для гадрутцев, сидящая у них в крови интеллигентность. И это качество где-то и в чем-то обязательно и неминуемо должно было “дать пик”. Вскоре мы убедились, что это действительно так, что “есть и другой Гадрут”.

...Спускаясь по улице, справа от прокуратуры мы заметили вывеску: “Гадрутский районный краеведческий музей”. Дверь открыта, – решили зайти. Нас встречает щуплый парень в очках, представляется, – директор музея. С ходу, без “этикетных” расспросов начинает вводить нас в историю Гадрута-Дизака. Очень быстро становится ясно, что мы пришли в **армянский** музей и перед нами не просто местный знаток, – этакий “поселковый всезнайка”, а грамотный и высококвалифицированный историк-профессионал академического закала. Разговорились. Выяснилось, – закончил истфак Ереванского госуниверситета, затем аспирант Института этнографии АН СССР. И вот буквально месяц, как вернулся в родной Гадрут с женой и двумя сыновьями. Наверное, нет нужды объяснять, какими чувствами, какой идеей может быть движим человек, что влечет его, когда в 26-27 лет, после аспирантуры, – с уже готовой, но пока не защищенной диссертацией в портфеле оставляет Москву, Ереван и 86-м возвращается жить в Гадрут. Как само собой разумеющееся, договорились встретиться вечером после работы. Дома у сестры Артура нас ждали еще двое парней, – архитекторы Эмил Абрамян и Манвел Саркисян.

Это был уже совершенно «другой Гадрут» и даже совершенно «другой Карабах». Для меня, во всяком случае. Мы нашли не просто единомышленников, не просто людей, согласных и готовых на что-то во имя освобождения Карабаха. Перед нами были люди, уже давно прошедшие “зародышевый”, романтично – эмоциональный этап пути и вопрос освобождения Карабаха для них был уже не просто мечтой. Сакраментальный вопрос “что делать?” для них уже не стоял. Это были люди, созревшие для политических действий, способные ставить и решать задачи уже политического характера. На этой встрече фактически обозначился пусть и немногочисленный, но определенный круг людей, “действующих на Гадрутском направлении”. Центральной, стержневой фигурой был, несомненно, Артур. И тогда, и после, – в нем ярко проявлялось одно

качество, делающее человека политиком. Это – способность начисто отметить в суждениях и действиях эмоциональную пену, не становиться заложником сиюминутного, – будь то эйфория от успеха или же паника от неудач. Имеющиеся возможности он умел распределять и использовать действительно оптимально, выжимая из существующих реалий максимум.

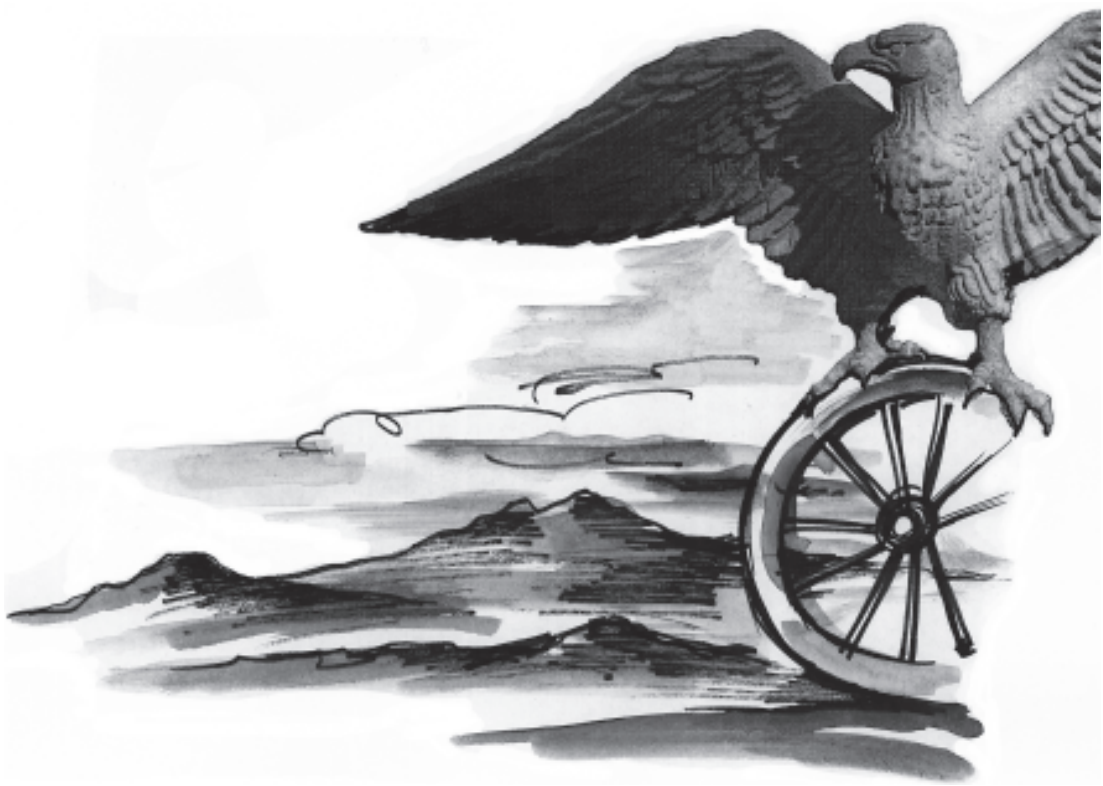
По его совету летом 86-го и 87-го наша экспедиция “прочесала” Кельбаджар, где его “коллега” из местного музея Шамиль-муаллим со своей группой “быстрого реагирования” крушил направо и налево еще оставшиеся там армянские памятники. Взрывчатки у населения тогда, конечно, не было, и оставалось удивляться, как эти люди не щадили сил, чтобы ломami и кувалдами дробить в щепень наши хачкары и лапидарные надписи.

Где бы ни действовал Артур, в какую структуру бы не избирался, – будь то делегация в Москву к Демичеву, Национальный Совет Карабаха, а в конце, – Председатель Верховного Совета НКР, – процесс происходил без особой конкуренции: все как бы априорно соглашались, что это именно его место, именно он должен выполнять эту функцию. И даже само избрание его Председателем Верховного Совета не было результатом каких-то там предварительных договоренностей или же успешно проведенной предвыборной кампании. Нет. Это было решением и убеждением большинства депутатов. Он вошел в первый парламент Нагорного Карабаха как “обычный”, рядовой депутат, но вышел оттуда его руководителем. В течение тех нескольких дней, что шла сессия, при тех реалиях, когда на очередном заседании отсутствующим депутатам ставились уважительные “неявки” по причине их гибели, – собравшиеся просто уяснили для себя: в данный момент из всех из них именно Артур Мкртчян является той личностью, которая может и должна в качестве первого лица новопровозглашенного государства возглавить вооруженную борьбу карабахцев. На траурном митинге в Степанакерте генерал Аркадий Тер-Татевосян сказал: “Сначала Артур был моим солдатом, я – его командиром. Потом он стал моим командиром, я – его солдатом. В обоих случаях Артур с честью выполнил свой долг”.

Люди, преданные одной и той же идее, рано или поздно сходятся. А сойдясь, уже не расходятся никогда. Уход здесь означает обычное предательство. Из круга, заложенного Артуром, люди не уходили. Они просто погибали. И самого Артура, как сказал на его похоронах Игорь Мурадян, увы, “не уберегли”. Несмотря на завесу его трагического ухода, об этом жизненном пути можно сказать одно: Артур Мкртчян вполне осознанно принес на Голгофу освободительной борьбы Арцаха – Карабаха свои первые тридцать и три года.

Среди множества эпизодов, касающихся близких людей, особенно ушедших, обычно бывает один, – доминирующий, который всегда предстает перед глазами, когда речь заходит об этом человеке... Через несколько дней после нашего знакомства мы поехали с Артуром в его родное село Эдиллу (Ухтадзор), откуда должны были направиться в Тох. Утром Артур проводил нас за деревню до дороги, ведущей к шоссе на Тох. Попрощавшись, мы двинулись в путь. Пройдя километра полтора, я обернулся: Артур стоял на пригорке под одинокой высокой грушей и махал нам рукой. И, как мне издали показалось, – сдержанно улыбался...

Май, 1997г.

АРМЯНСКОЕ ЦАРСТВО ЗИНАВОРА-ДАЙИ

Дождливой апрельской ночью 94-го мы возвращаемся из Карабаха. Возвращаемся с похорон первого командира Гадрутского полка, потом офицера разведки, Эрика Абрамяна. Потомственный интеллигент, обещающий вокалист, он, оставив учебу в консерватории и так и не успев выйти на большую сцену, отведенную судьбой ему роль исполнил на поле битвы. Исполнил сполна. По всем законам “несценической”, – всамделишной войны, партитура которой, как известно, пишется железом.

Как обычно бывает в таких случаях, оглушенный, пока еще не ощущаешь “на корню” всю глубину случившегося и обрывистыми разговорами пытаешься как-то отодвинуть все нарождающуюся внутри тревожно-гнетущую пустоту. Ну а разговор до банальности для нас, армян, – “обычный”. Сумеет ли хоть на этот раз, наконец, удержать в своих руках победу, сможем ли отстоять и сохранить добытую ценой потери таких светлых парней, как Эрик, нашу независимость и наше Государство. И вообще, ген, отвечающий за это самое “чувство государственности”, в нас, армянах, по большому счету, сидит он, или нет? Не секрет ведь, что почему-то для нас понятия Родина, Отечество, – это одно, а понятия Страна, Государство, – что-то другое. В чем причина, что эти идентичные вроде бы понятия в нас, армянах, почему-то не идентифицируются? В какой момент нашей истории дала свои первые ростки жалкая, гадкая философия типа «Որովիդի նիստ՝ էկովիդի լիստ». И не сотворили ли мы на протяжении последних веков для себя на самом деле миражеподобный фетиш из **понятия** земли, начисто растеряв при этом реальное **чувство** земли и категории Государственности?

Молча слушавший нас до этого Игорь Мурадян тоже “взял слово” и рассказал нам одну историю, – почти притчу.

...Одна из его многочисленных бакинских тетушек была известной на

весь Баку закрыщицей, работала в элитном по тем временам “номенклатурном” ателье. Однажды в ателье, – “сверху”, – аж с самого ЦК Компартии Азербайджана пришел срочный, специальный заказ. Ансамбль не то песни, не то пляски Советского Азербайджана впервые должен был выехать на зарубежные гастроли, и нужно было срочно успеть изготовить для ансамбля соответствующие национальные костюмы. Времени, естественно, в обрез. Директор ателье обратился к тетушке. Та в немыслимо короткие для такого заказа сроки сумела подготовить костюмы, за что директор удостоился благодарности от руководства Азербайджана. А в знак своей признательности этот директор-еврей в честь нашей тетушки устроил шикарный банкет. Та взяла с собой на банкет и племянника, – тогда еще школьника-восьмиклассника. Племяннику навсегда запомнился тост, который произнес в честь тетушки на том банкете директор-еврей. Расхвалив тетушку как мог, он обратился потом к “армянской теме” уже в целом: “Все у Вас, у армян, есть, все. И ученые, и полководцы, и музыканты, и мастера, и герои. Ну все, все. Но нет у Вас самого главного. Нет у Вас, у армян, своего Царства. Армянского Царства!”. И знаете, – закончил Игорь, – я с тех пор и ищу это Царство. А было ли оно вообще? (а была ли она, страна Наири?!).

А дождь все льет и льет. Какой-то непонятный. Будто и не дождь, а просто мутные потоки холодной талой воды хлещут со всех сторон, и мы не то ползем, не то плывем, едва раздвигая эту свинцовую темень. Все как-то разом замолчали. И в этой непроглядной и нескончаемой ночи мне вдруг совершенно явственно почудилось, что в Армянском Царстве я однажды побывал, воочию видел его.

Летняя экспедиция

Было это в Гюлистане, летом 1985 года, в третий приезд нашей небольшой самодеятельной экспедиции в Карабах. В течение двух предыдущих экспедиций нам удалось довольно детально объездить Мардакертский район и определенный опыт общения с карабахцами у нас уже имелся. Мы вроде бы сумели уяснить для себя, – хотя бы в общих чертах, – в чем наша с ними схожесть и в чем несхожесть. Наряду со многими качествами, выгодно (или невыгодно) отличающими их от нас, айстанцев, с самого начала в них все же выделялась одна особая черта, которой у нас не было и которая как-то необъяснимо будоражила кровь, пробуждая что-то очень-очень далекое, забытое, подсознательно-иррациональное. Потом, как говорится, пришло прозрение. И мы поняли, в чем именно состоит

эта разница: мы “просто жили” в одной из национальных республик Союза. Они тоже жили в Союзе, однако в составе республики, где право императива было у другой нации. Но, несмотря на этот “двойной” пресс, по ним явно чувствовалось, что они жили на Своей Земле, именуемой Карабах. И хотя по своему статусу (Автономная Область) Карабах стоял ниже нас, – Союзной Республики, – однако чувство государственности в карабахцах сидело более “капитально”, нежели в нас. Это было не просто чувство земли, на которой сейчас живешь, а именно чувство Своей Исконной Земли. Земли, унаследованной от своих предков. Несомненно, качество это в карабахцах сидело крепко и явственно по той простой причине, что они последними из армян потеряли свою государственность, дольше всех нас сумели сохранить свое Царство.

В Шаумяновском районе все это проступало с большей очевидностью, лежало как бы на поверхности. По всему ощущалось, что азеры для шаумяновцев, – не “авторитет”, что власть азербайджанцев над ними, – искусственно привнесенная, не реальная и временная, а существует и держится она только лишь благодаря мощной государственно-карательной машине. Иначе не могло и быть. Азербайджанцы не были тем народом, который силой оружия и тем более, силой духа покори́л гюлистанцев.

Наоборот, даже если не оперировать фактами XVIII-XIX веков, то в недалеком прошлом, в 18-20 годах нашего столетия, Северный Арцах сумел организовать самооборону и избежать сколь-нибудь ощутимых потерь. Так что гюлистанцы оказались в составе Советского Азербайджана завоеванными и непокоренными. И не случайно, что все попытки азербайджанского руководства ассимилировать, растворить этот район Северного Арцаха с азербайджанскими районами так и успеха не имели. По чисто внешней, поверхностной “фактуре”, по формальным взаимоотношениям чувствовалось: да, есть, признается и действует официальная власть. Но глубинно, человеческим нутром и жизненным укладом своим, они как бы являлись и считали себя подданными какой-то другой, – невидимой, но более приемлемой и родной для них власти. То была власть незабытого еще духа меликства. А кто же был воплощением этого духа? Прямые отпрыски Мелик-Бегларянов в районе еще жили, но советский режим, по-видимому, очень оперативно и навсегда вытравил из них княжеский ген, и шаумяновцы относились к ним не более как просто к однофамильцам гюлистанских меликов. Во всяком случае носителей и продолжателей традиций меликства в них они не видели. Так в ком же?

Человек от мелика

... В Гюлистане мы остановились у лесничего Коли Гуляна. На второй день, когда мы вернулись из довольно утомительного похода к месту Шейтан-Кала и сели ужинать, он, пропустив рюмку кизиловой, немного лукаво и с каким-то внутренним удовлетворением, сказал: “А знаете, про вас спрашивал Зинавор-дайи. Сегодня приходил человек от него. Говорил, что Зинавора-дайи интересует деятельность преподавателей из Армении (нас было трое преподавателей пединститута- **В.А.**). Я ему объяснил, что вы изучаете исторические памятники Карабаха”.

После наших расспросов, мол, а кто есть Зинавор-дайи, Коля почти всю ночь рассказывал нам о главе большого семейства Мегрянов, берущим начало от меликского рода и о том, что значит он для шаумяновцев. Хотя Коля несколько раз и подчеркнул, что сам он не очень уж и ладит с этой семьей, но как человек широкого кругозора, здравомыслящий и порядочный, он сумел всесторонне и объективно обрисовать нам целостный образ Мегряна-старшего.

Из рассказа выяснилось, что в дом Мегрянов шаумяновцы приходят и обращаются как в первую, так и, как в последнюю инстанцию по всем вопросам. У Мегрянов широкие связи в других районах, в Кировабаде и Баку. В очерченных им же довольно крупных масштабах практически нет вопроса, который не смог бы решить Зинавор-дайи. И официальные власти обязательно считаются с этой семьей.

И в первую очередь считаются с ним, – с главой семейства. Любой вновь назначенный секретарь райкома свою работу в Шаумяновском районе начинает с обязательного визита в дом Мегрянов, со своеобразного “вручения верительных грамот” Зинавору-дайи. Был один назначенец из Баку, кажется Рудольф Мирзоев, который решил проявить самостоятельность и общаться с народом, минуя мегряновский дом. Но не тут то было. Шаумяновцы не только дали ему понять, что без посещения Зинавора-дайи его “легитимность” на посту первого секретаря под большим вопросом, но и организовали зимой массовый падеж скота, – с целью изгнания из района зарвавшегося “самозванца”. Так тот буквально на коленях приполз в Гюлистан к Зинавору-дайи, моля о поддержке. “То есть Мегряны не официальные, а реальные мелики Шаумяна?”, спросили мы. “Так оно и есть”, серьезно ответил Коля, давая понять, что, если какая-то доля иронии и есть невзначай в нашем вопросе, то тут она совсем не к месту. После рассказа лесничего для нас стала вполне объяснимой также еще одна, чисто “шаумяновская”, специфика: оказывается вот почему, хотя

официально административным центром района и является поселок Шаумяновск, однако местный люд своим “престольным градом”, как и в былые, – меликские времена, по-прежнему считает именно и только село Гюлистан.

А утром пришел тот же человек и через Колю передал, чтобы мы сегодня не отлучались и не обедали: в 2 часа Зинавор-дайи ждет у себя преподавателей из Армении. И опять что-то непривычное. От самого появления пришельца, от манеры его поведения и разговора веяло чем-то средневековым. Не в смысле дремучей отсталости или какого-то там провинциализма. Нет. Ощущение было сродни тому, которое испытывает горожанин, после рощиц и парков вдруг очутившийся в девственном лесу. Мы как-то привыкли, что люди подобного “побегущечного” амплуа у нас, обычно, – суть прихлебатели и лизоблюды. Нет, этот человек не был привычной “шестеркой”, холопом. Это был подданный, господский человек, исправно исполняющий поручение признанного им господина.

... И вот в жаркий июльский полдень мы отправились в особняк Мегряннов. У ворот нас встречает все тот же господский человек и через просторный тенистый двор проводит в дом. Хозяин принимает нас довольно просто и буднично: «Պարոզ եք եկել, օտեցեք». Чего-то особенного, скажем, какой-то броской роскоши в доме нет. Но по тому, как накрывают на стол, кто чем занят, кто где садится, по интонации разговоров, по ухоженному саду, прохладе, наконец, чувствуется, что это – Дом, Господский Дом, со своим давним и традиционным укладом.

Вам полезно узнать о нас

Хозяин ненавязчиво угощает нас и размеренно ведет беседу. О чем мы беседуем? Во-первых, его интересует: «Ի՞նչ էիս Հայաստանում, Դեմիրճյանը ո՞նց Ե». И опять же в тоне нет ноток боли, сиротливости, мол, мы отторгнуты от родины. Нет. Просто удельный князь интересуется как там мой сосед? Он поощряет нашу деятельность по изучению памятников Карабаха. Но если, например, в Мартакерте считали, что подобные инициативы очень важны для них, карабахцев, то Зинавор-дайи считает, что все это полезно в первую очередь для нас, айстанцев. “Мы живем на своей земле и знаем ее, это вам нужно побольше узнать об этой части армянской земли!”.

Он рассказывает, как азербайджанцы пытались на территории района установить свои юрты и как по его распоряжению их согнали. И с тех пор охотников поселиться близ Гюлистана больше нет. Сожалел, что в нескольких селах района азербайджанцам все же удалось поселиться. И

что было самое примечательное? В отличие от нас, потомков выходцев из Карса, Эрзрума, Вана, и др. у этого человека начисто отсутствует комплекс утери Родины, земли. Наоборот, он сохранил, удержал землю, унаследованную от предков, и теперь чувствовал себя ее хозяином. Хозяином, которого никто не выбирал, и тем более, не назначал. Хозяином, одновременно осознающим свой долг и ответственность за дальнейшее ее сохранение, – какая бы власть за окном ни была.

Он рассказывает, как во время турецкой интервенции 1918г. была предотвращена резня гандзакских армян: местные беки дали понять пришедшим османцам: “Сегодня вы здесь, а завтра, – как сказать, и если будет осуществлено избиение армян, то потом Геташен, Веришен, Куши-Армавир будут нам беспощадно мстить”. И с сожалением добавил: “А вот в 15-ом *там* не сумели толком организовать сопротивление. И поэтому – столько жертв.”

Мы общались с армянином совершенно иной, неведомой доселе нам породы. Мы впервые общались с армянином не потерявшим когда-то землю и ностальгически теперь воспевающим ее, а с армянином – потомственным хозяином своей земли... Мы пребывали пусть и в маленьком, но в Царстве... Армянском Царстве.

По ночам в лесу холодно

... Когда наступил 88-й, сомнений ни у кого из нас не было: Шаумяновский район поднимется непременно. Летом 88-го он уже не подчинялся центральной власти Азербайджана. Не было также сомнений и на тот счет, кто именно поднимет в Гюлистане свой народ и возглавит его борьбу: непременно Мегряны. А выбор среди них пал на Шагена. Он громил азербайджанцев и одерживал победы в лучших традициях гюлистанских меликов. В один момент весь район был очищен от азербайджанских формирований, и путь на Геташен был открыт. Помнится, даже предлагалось, что справедливо будет, если Геташен, потерянный нами в результате спланированной и осуществленной русскими в 91-ом операции “Кольцо”, обратно возьмет именно отряд “Арабо”. Но ... потом в “игру” опять же вступили русские танки, – теперь уже согласно плану операции “Горы”, и Шаумян – Гюлистан был нами потерян. Не выигравшие ни единого боя против гюлистанцев, всегда позорно битые, азербайджанцы теперь буквально на плечах русских солдат вошли в Шаумяновский район. И первым делом, как водится у них, взорвали храм и надгробия армянских меликов Гюлистана.

Вскрывать причины и корни этой катастрофы, конечно, не мне. Сейчас их не вскрыет никто. Это просто тот очередной, – классический для нас случай, когда говорят: ответит история .Ну допустим ответит; и что из этого?

Но хочется сказать о другом. После падения Шаумяна была развязана довольно гнусная кампания по дискредитации семейства Мегрянов: в оборот была пущена идиотская версия, – мол, виноваты во всем они(?!). Но Мегряны стойко выдержали и этот удар. И продолжили “свою” войну.

Помню, в те дни встретился с Шагеном и невольно попытался его вроде бы успокоить, что ли. Оказалось, что как раз в этом он совершенно не нуждался. “Плывать, – рассмеявшись сказал он,– вот пополнение веду в отряд. Если можешь, достань моим парням теплую одежду. По ночам в лесу холодно”.

Последний раз Мегрянов я видел в Ереване, на похоронах Шагена. Зинавор-дайи, как и подобает отцу, давшего нации гайдукапета, держался достойно. Когда же возвращались с Ераблур, сказал: “Я все же надеюсь, что меня хоронить будут в Гюлистане”.

Однако с гибелью Шагена закончилась для всех нас и война за Гюлистан...

Июнь, 1997г.

ШАУМЯНСКИЙ РАЙОН СОВЕТСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА ИЛИ ГАВАР АЛУЭ-ВАРДУТ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРМЕНИИ?

Этот материал, подготовленный совместно с историком Самвелом Карапетяном и востоковедом Саркисом Петросяном, предназначался сначала для публикации в научной периодике. Были составлены подробные каталоги и карты памятников района, сделаны фотографии и копии-эстампы множества средневековых лапидарных надписей. Однако сдача нами в 92-м Шаумяновского района побудила нас опубликовать материал в газетном варианте, – с целью его доступности более широкому кругу читателей.

Как известно, большевики, – вопреки воле и интересам армянского народа, – в начале 20-ых годов приняли ряд политических решений и подписали договоры, противоречащие элементарным нормам международного права. Как следствие этого, целый ряд областей Армении с армянским населением и памятниками материальной и духовной культуры нашего народа оказался насильственно включенным в состав Азербайджанской ССР. Как и весь Арцах-Утик, в составе Азербайджанской ССР оказалась и территория гавара Алуэ (арм. Աղուէ), являющегося составной частью Восточной Армении. В 1930 г. в этой части Северного Арцаха был образован Шаумяновский сельской район с территорией около 600 кв.км.

Уже не раз отмечалось, что в силу известных причин, за Советский период практически не проводилось сколь-нибудь серьезных историко-культурологических исследований (да и других тоже) этих исторических армянских областей. В “зоне молчания” пребывал также и Шаумяновский район.

Район расположен на северных склонах восточной оконечности Мравского хребта в верховьях рек Инджа, Сев-джур и Покр Курак. С древнейших времен этот регион был заселен индоевропейско-армянским этносом. Археологические исследования неопровержимо доказывают, что Утик-Арцах-Сюник вместе с бассейном оз. Севан, Апаран-Разданом и Лори еще в XIII-X вв. до н.э. составлял единое этнокультурное целое, центром которого являлось западное побережье озера Севан.

Жители этих областей, согласно дошедшим до Мовсеса Хоренаци древнеармянским преданиям, являлись прямыми потомками Гелама Гайкида (арм. Գեղամ Գայկազուն), чей вотчиной был Геларкуник (арм. Գեղարքունիք, клинописн. – Velikuni), занимающий территории западнее и юго-западнее оз. Севан. Однако однозначно свидетельствует о заселении области с древнейших времен индоевропейско-армянским этносом в первую очередь само название гавара – Алуэ и его центра – крепости Алуэн (арм. Աղւնի). Աղւ-слово истинно армянское, вернее, индоевропейско-армянского происхождения, означающее “нежный, приятный, милый”. Затем следует общеизвестный армянский топонимический суффикс. Однокоренные армянские топонимы известны и по урартскому периоду: Alusi, Aludire, Alu-Arsa. Из средних же веков до нас дошли топонимы Алу и Алуэрц (арм. Աղւերծ) из Сюника, входившего, как было выше сказано, в единый с гаваром Алуэ этнокультурный регион.

В средние века гавар назывался также Вардут (арм. Վարդուտ). Параллельно употреблялось также и ираноязычное название Гулистан. Так, в рукописи XV века читаем: “...в году армянском 915 (1477) ... рукою писца Акоба ... в селе, что называется Гулистан, которое есть Вардут ...”

Основная территория гавара расположена в зоне с более мягким и благоприятным климатом, чем, скажем, жаркие и сухие равнины соседнего Утика или суровое высокогорье Мрава. Эта специфика географического положения края фактически и отражена в его армянских названиях Алуэ-Вардут. Ведь Վարդուտ – буквально означает “местность, обильная розами”. Иранское же слово Гулистан, означающее “цветник, сад роз”, как видим, семантически идентично армянскому, что лишний раз подчеркивает первородность армянских названий гавара.

История этого края Восточной Армении является неотъемлемой частью истории всего Арцаха-Карабаха. Гавар Алуэ-Вардут-Гулистан, как и весь Арцах-Карабах, всегда оставался сугубо армянской территорией, как по этническому составу населения, так и по своей культуре. Во всем районе лишь близ села Эркеч имеется небольшое персидское кладбище с

9-10 надгробиями, тогда как, только по предварительным данным, насчитывается около 200 армянских исторических памятников .
Расположение их таково:

с. Бузлух

Церковь св. Минас - нач.ХХ в.
Часовня св.Вардананц - нач.ХХ в.
Кладбище - XVIII-XX вв.
Часовня св. Оджак - XIX в.
Маслодавильня - XVIII в.
Мельница - XVIII в.
Селище - XVI-XVIII вв.
Церковь св. Минас - XVI-XVII вв.
Хачкар - 1551 г.
Кладбище - XVI-XVII вв.
Мост “Аджи бабуши” - XVI в.
Мост “Каре” - XVI-XVII вв.
Кладбище “Блур”(Така) - XI-XVI вв.
Кладбище “Гюне” - XII в.

с. Гюлистан

Церковь св. Богородицы - XIX в.
Кладбище - XVII -XIX вв.
Хачкар - 1582 г.
Меликская палата -1782 г.
Церковь “Камир ехци” - XVI-XVII вв.
Кладбище - XVI-XVII вв.
Селенца -XVI-XVII вв.
Кладбище с хачкарами - XV-XVII вв.

Кладбище “Ацот” - XI-XIII вв.
Хачкар - XII в.
Хачкар - XII-XIII вв.
Хачкар - XII-XIII вв.
Церковь “Аменапркич ” - XVI-XVII вв.

Часовня - XVII в.
Хачкар - XVII в.
Хачкар - XVII в.

Хачкар - XVII в.
Гюлистанская крепость - XVII-XVIII вв.

Кладбище - XII-XIV вв.
Баня - XVIII в.
Потайной ход (туннель) - XVII в.
Арсенал - XVII в.
Селище - XII-XIV вв.
Мост - XVII-XVIII вв.
Мельница - XVII-XVIII вв.

с. Эркеч

Церковь св. Саркиса - 1716 г.
Хачкар - 1260 г.
Хачкар - 1568 г.
Хачкар - XVI в.
Кладбище - XVIII-XIX вв.
Кладбище "Циц кар" - IX-XI вв.
Кладбище "Кхок" - XII-XIX вв.
Нагробная плита - 1788 г.

с. Хрхапор

Церковь - 1873 г.
Кладбище - XII-XIX вв.
Церковь св.Богородицы - XII-XIII вв.
Нагробная плита - 1744 г.
Нагробная плита - XVII в.
Кладбище "Обитель Мандура" - XII-XIII вв.

Хачкар - XII в.
Селище "Старый Хрхапор" - XVI-XVIII вв.

Церковь - 1659 г.
Хачкар - 1613 г.
3 хачкара - XVII в.
Нагробная плита (2 нагробия) -1887 г.

Кладбище - XVI-XIX вв.
Церковь "Мандур" - 1252 г.
Кладбище - XI-XVII вв.

2 хачкара - 1172 г.
Хачкар - 1170 г.
Нагробная плита - 1613 г.
Мемориальная стела -1893 г.
Пещера-поселение “Качахи керц”- XVII-XVIII вв.

Селище “Кохер” - XII-XVIII вв.
Церковь “Кохер-ванк” - XIV-XV вв.
Кладбище - XII-XVIII вв.
Хачкар - 1230 г.
Хачкар -1174 г.
4 нагробные плиты -1678, 1657, 1721, 1748 гг.

Селище - XVI-XVIII вв.
Селище “Хортатех” и кладбище – XII-XVIII в.в.

с. Аи Парис

Церковь - 1901 г.
Кладбище - XIX-XX вв.
Жилой дом - XVIII в.

с. Манашит

Церковь - 1892 г.
Хачкар - 1259 г.
3 хачкара - XVI-XVII вв.
Кладбище - XIX-XX вв.
Церковь св. Хач - XVIII в.
Камень с эпитафией - XVII в.
Селище “Наатак” - XII-XVIII вв.
Часовня “Наатак” - 1890 г.
Кладбище - XII-XVIII вв.
Хачкар -1308 г.
Селище “Тодан” - XVI-XVIII вв.
Развалины церкви XVII в.
Кладбище - XVI-XVII вв.

с. Карачинар

Церковь св. Ованнеса -1868 г.
Мост “Гюргюр” -1885 г.

Кладбище - XVIII-XX вв.

Жилой дом - XVIII в.

Мельница - XIX в.

с. Гахтут

Кладбище - XIX в.

с. Норшен

Церковь св. Минаса - 1860 г.

Селище “Паранпат” - XVI-XVIII вв.

Кладбище - XVI-XVIII вв.

Церковь “Мандур” - XVI в.

Селище “Закин наатак” - IX-XVIII вв.

Церковь - XVII в.

Кладбище - IX-XI вв.

Кладбище - XV-XVIII вв.

Надгробная стела - 1707 г.

Надгробная стела - 1741 г.

2 надгробные стелы - 1744 г.

3 хачкара - XVII в.

с. Руси Парис

Селище “Парис” - XI-XIX вв.

Церковь св. Богородицы - XII-XIII вв.

Хачкар - 1275 г.

Хачкар - XIII в.

2 хачкара - XVII в.

Нагробная плита - 1544 г.

Нагробная плита - 1677 г.

Нагробная плита - 1748 г.

Нагробная плита - 1771 г.

6 нагробных плит - XVII-XVIII вв.

пос. Веришен

Церковь св. Богородицы - XVIII в.

Хачкар - XVI-XVIII вв.

3 хачкара - XVIII в.

Кладбище - XI-XIX вв.

Хачкар - XI-XII вв.

Селище “Караундж” - XVI-XIX вв.
Кладбище - XVI-XVIII вв.
Хачкар - XIII -XIV вв.
Святое место “Гирхач” - XVIII-XIX вв.
Хачкар - XVIII в.
Мельница - XIX в.

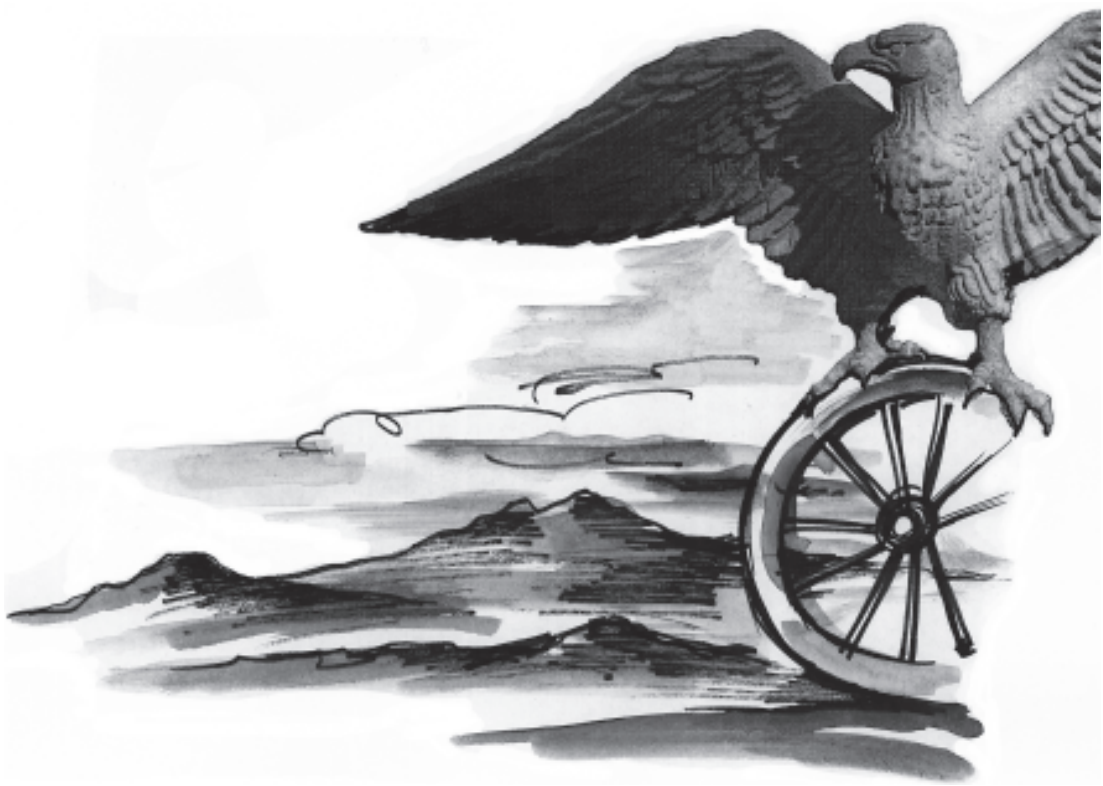
пос. Шамяновск (Неркишен)

Церковь св. Богородицы - 1697 г.
Кладбище - XVII-XIX вв.
Хачкар - 1649 г.
Хачкар - 1660 г.
Мавзолей-нагробие -1865 г.
Монастырь “Ериц манканц” - XVII в.
Кладбище - XVII в.
Мельница - XIX в.
Мост через р.Севджур - XVII в.
Мост “Анджур” (Хровац) - XVII в.
Могильник - II тыс. до н.э.
Селище “Лидр” - XVI-XVIII вв.

Как можно убедиться, сами свидетельства истории опровергают измышления о том, что – армяне пришлый народ, стремящийся, к тому же, овладеть чужими землями. Если о пришлых и может идти речь, то отнудь не о народе, запечатлевшем свой национальный почерк на каждом камне древней земли Алуэ-Вардуд.

Но где сейчас эти люди? Эта особая когорта карабахцев? Они будут доживать свой век в изгнании, на чужбине, или будут все же жить на своей земле? На земле, которую они защитили и отстояли тысячелетия, но которую мы сохранить не сумели.

Март, 1995г.

ГРАНТ МАРКАРЯН И МЫ

Слова эти, выбранные Игорем Мурадяном в качестве заглавия статьи, опубликованной в конце прошлого года в “ГА”, на мой взгляд, более подходят для заглавия постоянной рубрики, ибо, насколько я знаком с деятельностью Гранта Маркаряна в период арцахской освободительной борьбы, человек этот заслужил, чтобы статьи писались не в его защиту, а просто о нем.

Я, конечно, далек от мысли становиться в позу защитника Гранта Маркаряна, тем более всей партии Дашнакцутюн, в рядах которой Грант Маркарян является одной из самых ярких фигур. Именно благодаря таким личностям, через их деятельность, – Дашнакцутюн и в наши 90-е воспринимается как носительница и продолжательница традиций нашей освободительной борьбы 90-х годов прошлого столетия.

Сегодня я не буду касаться тонкостей судебного процесса, отмечу лишь, что “процесс пошел”. Сам факт возможности подобного процесса – наш общий позор. Действительно, можно ли считать нормальным, если именем Отечества судят тех, кто проливал кровь за это Отечество? Ведь в любом случае ответ перед историей будет держать именно Отечество. Если эти парни действительно преступники, то почему государство допустило, чтобы вчерашние его защитники оказались сегодня на этой скамье? А если они не виноваты, – то, – тем более. Подобный процесс возможен только в таком государстве, тем более мононациональном, где общество, как таковое, не состоялось. А было ли оно когда-либо в нашей стране, в нашей армянской действительности? Большевицкая власть в Армении начала свой кровавый путь, как известно, с ареста и топороваания людей, многие годы проливавших кровь за Армению. Дальнейшее общеизвестно. И никакая влиятельная международная организация, никакой арбитраж не могут так оправдать деяния большевиков в Армении, выдать им индульгенции за содеянное, как факт организации в нынешней Армении

процесса по делу “Дро”. Большевики имеют сегодня полное право заявить, что если в чем-то они действительно и перегнули палку, то в отношении дашнаков репрессии были полностью оправданы.

Об ошибках и промахах партии Дашнакцутюн говорилось не раз, – в конце концов, не судят только победителей, а от ошибок и промахов застрахован лишь тот, кто не действует. И сегодня не столь важно даже то, как власти вообще относятся к Дашнакцутюн. Это вопрос довольно локальный и легко объяснимый. Более важно отношение народа к этой партии. А оно действительно неоднозначно: за Дашнакцутюн все пьют, но за нее мало кто голосует. Причина подобной неоднозначности (особенно в сравнительно мирных условиях) кроется, по-видимому, в готовности этой партии идти на любые жертвы, когда дело касается национально-освободительной борьбы.

Припоминаю такой эпизод: в начале марта 1992 года, когда после боя за Срхавенд стало известно, что все погибшие бойцы первой роты, – дашнакцаканы, один из партийных деятелей АРФД довольно бесстрастно заметил, мол, ничего особенного в этом нет: дашнакцакан на то и дашнакцакан, что он должен погибать.

В недавнем интервью “ГА” Геворг Эмин высказал мысль, что нам, армянам, пора уже покончить с традицией героически погибать. Пора побеждая жить. Сказано хорошо и правильно. Но для какой реальности? Для какого случая данности? Искусством побеждать без значительных жертв мы пока действительно не обладаем. Но все же не потому, что мы генетически такие.

Другой вопрос, почему ценой даже невероятных жертв нам хронически не удавалось достичь сколь-нибудь ощутимых результатов, политических удач. Думаю, дело в том, что в освободительной борьбе народов, оказавшихся в нашем положении, особенно на первом этапе, малыми жертвами вряд ли возможно чего-либо добиться. А в условиях веками отсутствующей государственности на освободительную борьбу поднимается народ, но прежде всего те, кто готов сознательно пожертвовать собой. И поэтому организации типа Дашнакцутюн не могут появиться в нынешней Франции или Бельгии, – в такой организации там просто нет надобности. Такая организация не может зародиться и в национальном государстве. Она зарождается в народе, – народе угнетенном и ущемленном историей. Появление и существование партии Дашнакцутюн в армянской среде с соответствующими методами действия, – это своеобразная компенсация, своеобразный противовес факту отсутствия общества как тогда, так и сейчас.

Если взять события только последней арцахской эпопеи, то народ, переживший события начала века, а потом еще и семьдесят лет большевистского режима, даже при самых благоприятных условиях сам по себе не мог взяться за оружие. В подобной ситуации нужны личности, которые, говоря банальным языком, должны своим личным примером переломить в народе закостенелый комплекс. И ясно ведь, что эти первые, – неизбежные жертвы. Причем жертвы осознанные. Такова логика освободительной борьбы любого ущемленного историей народа. К тому же не имеющего ни государственности, ни армии.

Воздавая славу всем погибшим, нельзя все же умалять тот факт, что в плане организационном именно Дашнакцутюн взяла на себя функцию выдвинуть из своих рядов многих из этих “первых”. В дело организации как начала, так и дальнейшего подъема вооруженной борьбы за Арцах решающий вклад внес и Грант Маркарян, – член партии Дашнакцутюн. В этом деле он был среди центральных, ключевых фигур. Кое у кого может сложиться поверхностное мнение, что Грант, – просто “человек оружия”, вояка, боевик. Это не так. Наряду с глубоким знанием военного дела этому человеку присущи высокий интеллект, способность тонкого политического анализа. Задним числом сейчас можно припомнить, какие только варианты решения карабахской проблемы не предлагались, – порой даже нелепо фантастические и смехотворные. Грант Маркарян был из тех немногих, если не первым, кто был убежден, что Карабах останется в наших руках только в том случае, если именно на этой земле и именно этот народ поднимется на вооруженную борьбу. Ему возражали: как могут 150 тысяч карабахцев, пусть даже с помощью Армении, воевать против 7 миллионов? На этот “железный” аргумент Грант отвечал очень спокойно, – в нынешней ситуации это еще не будет войной государств, войной экономик и ресурсов. Это – пока еще война народов и надо начинать ее скорей, пока моральный фактор решает многое. И, как видим, оказался прав.

История, конечно, в свое время даст объективную оценку действиям всей партии Дашнакцутюн за эти годы, – в том числе и в период арцахской борьбы. Но то, что член этой партии Грант Маркарян был действительно ключевой фигурой в организации этой борьбы, у него не может отнять не то что нынешний Верховный суд, но и самый беспристрастный суд истории.

Январь, 1995г.

ГЮМРИЙЦЫ...

Было это примерно спустя неделю после землетрясения. С моим другом, – физиком из Еревана, – ныне покойным Самвелом Аветисяном мы помогли разбирать развалины первой в городе десятиэтажки, что по улице Ширакаци. Люди уже начали обустривать свой новый “быт”, – под открытым небом сооружали из камней и кусков бетона загородки с очагом-костром посередине. Привезенные в изобилии гробы, отображающие специфику и обычаи практически всех конфессий Союза, помимо своего прямого предназначения шли на растопку костров, служили ложем и для живых и даже приспособлялись под сундуки для съестного. Так мы жили в те дни. И... даже принимали гостей.

Да, да, в тот вечер, сидя у костра, мы стали свидетелями картины, даже в те декабрьские дни 88-го потрясшей нас. Мимо развалин шел пожилой мужчина. Одна из стоящих у костра женщин окликнула его. Он подошел. Начали расспрашивать друг друга: кто уцелел, кого нашли... По всему было видно, что они, может, и не кровные, но родственники и она приходится ему как бы снохой. Мужчина собрался уходить, но женщина “по-хозяйковски” засуетилась. Она стала приглашать его в дом-загородку: “Ари, ехпайр джан, нерс ари, такаци. Чай такацнем, хмес?” И, достав из шкафа-гроба доставленные в город хлеб, консервы, стала накрывать на “стол” – на днища положенных рядом двух гробов.

Пусть простит меня Господь, но, сознаюсь, впечатление от увиденного в тот момент отодвинуло на второй план даже тех, кто оставался под дымящимися развалинами. Мы, уже который день пребывавшие в состоянии, вряд ли известном медицине, на миг оказались в состоянии, которое психолог Выгодский охарактеризовал как “час дня и ночи”. В те мгновения нам показалось, что мы увидели и ощутили то, что до нас не дано было видеть и ощущать никому из смертных. Словно перед нами были сорваны все покровы, окутывающие человеческое создание, и взору

нашему на какое-то мгновение приоткрылась Она, – истинная Сущность Человеческая. В ту ночь мы долго говорили с Самвелом о феномене гюмрийцев, вспоминали, как, окружив кремлевских гостей во главе с Горбачевым, гюмрийцы, – оставив на время даже оказавшихся под руинами своих родных, – в тот жуткий декабрьский день не потребовали от него ничего, а только скандировали “Ка-ра-бах!”, “Ка-ра-бах!”. Отмечу, что в той совсем не простой ситуации Генсек проявил себя более чем заурядным человеком. Мне довелось позже просмотреть видеокассету, запечатлевшую его посещение Кировакана, где он восклицает: “Ну вот, были в Ленинанкане. Кричат: “Ка-ра-бах”, “Ка-ра-бах”. Ну что Карабах? Надо же здесь иметь!”, – и крутит пальцем у виска.

Эх, Великий Разрушитель! Тебе, как и многим другим, действительно не понять нас. Не понять наш народ. Никогда. Когда человеку в сердце вонзают нож, в какой-то миг наступает состояние, ощущение которого никто и никогда передать не сможет. Ибо это иррациональное состояние между жизнью и смертью.

Так вот, этот миг для нас, армян, растянулся на века. И в этом состоянии гюмрийцы получили еще и удар 7 декабря. Но и в этот день, и в 90-м, когда приезжала на открытие построенной англичанами школы Маргрет Тэтчер, гюмрийцы скандировали “Ка-ра-бах!”. Газета “Индепендент” по этому поводу тогда писала, что национальное сознание в гюмрийцах сидит очень крепко.

...Прошли обещанные Горбачевым 2 года. Быстро сошел лозунг “Построим наш дом собственными руками”. Остались застывшие остовы разворованной техники, нахлынувшей было со всего Союза, да еще остовы недостроенных зданий, – пожалуй, самые красноречивые в мире свидетельства развала СССР.

Гюмрийцам при каждом удобном случае дают понять: это ваша печаль, это ваша скорбь. Ленинанкан, вновь ставший Гюмри, на картах и теперь обозначается как город. Наверное, необходимо примечание “обозначение условное”. Это попросту грандиозное обиталище,– холодное, утопающее в жуткой тьме, не то гетто, не то зона, заселенная в основной массе своей обездоленным и деградирующим людом.

Тогда, у костра мой друг убеждал, что город очень скоро встанет на ноги, а гюмрийцы, пережившие трагедию поистине вселенского масштаба, станут еще мудрее и, несомненно, явятся тем сгустком, вокруг которого волей-неволей будет консолидироваться нация. Я был настроен более пессимистично и утверждал, что Гюмри на многие годы, во всяком случае, –

на наш век, станет городом Скорби и Печали. Одиноким и отрешенным...

И, конечно же, как бывает в подобных случаях, неизбежен будет и "пир во время чумы".

... 7 декабря с.г. в городе проходили траурные церемонии, посвященные скорбной дате. Венки к памятному Хачкару жертв землетрясения возложили Каталикос всех армян Гарегин I, премьер Грант Багратян, вице-спикер парламента Ара Саакян. Из политических же партий в Гюмри приехали лишь представители Народно-демократического союза во главе с Вазгеном Манукяном, чья мать была родом из Гюмри...

Декабрь, 1995г

УВИДЕТЬ КАРС И ВЕРНУТЬСЯ?

Карс для нас, – это не просто город с его названием. Карс ассоциируются у нас с последними трагическими аккордами нашей национальной драмы конца XIX - начала XX веков: неразбериха и сдача города – крепости в 1918 году, его возвращение в состав Первой Республики в 1919-ом, повторная, – позорная сдача в 1920-ом, – с пленением видных армянских военачальников и убийственный для нас последний акт, – Карсский договор 1921-го.

...Детство и школьные годы моего поколения пришлось на период правления Хрущева. Формальных, так сказать, – “политических” идолов и кумиров тогда не было. Сталин был уже развенчан, Ленин – с плащом или кепкой в руке был просто камнем, очень далеким и непонятым для нас, – ну, скажем, как Будда. Что касается кумиров “неформальных”, – то экранных боевиков тогда и в помине не видел никто, а свет от “звезд” эстрады или кино до нас просто не доходил.

Нашими кумирами тогда были Владимир Енгибарян и Саркис Оввян, ну а позже и уже серьезней, – Тигран Петросян. Но это все же был “официоз”, – почитаемый, но не доступный. Реальным и непререкаемым авторитетом для нас 10-12-летних пацанов одной из округ тогдашнего Ленинакана был, несомненно, дед Григор – плотник и столярных дел мастер.

В наших глазах это был человек, знающий все обо всех и обо всем и, что уж совсем уму непостижимо, – знающий даже, кем были или же есть родители наших учителей. Для нас он был “Григор-пап”, а взрослые между собой называли его “карсеци Григор”. Его приземистая, выстроенная из грубокола мастерская была для нас местом довольно-таки таинственным. Правда, мы видели, что туда завозят доски и бревна и уносят окна, двери и табуретки. Но все же... это неказистое здание с пением пилы и стуком молотка, с запахом свежих опилок и стружек и дедом Григором внутри наводило на нас такой же трепет, как, скажем, операционная или морг

расположенной неподалеку больницы.

И естественно, что “туда” через некрашеную дощатую дверь проходили не все. Сказать, что он гнал кого-то из детей или не пускал, – так нет, – этого не было. Просто как-то само собой получалось, что кто-то был вхож в мастерскую, а кто-то нет.

Нам, “избранным”, все же получившим допуск, и без всякого предупреждения было ясно, что трогать что-либо нам запрещено, даже выносить опилки. Но не это нас туда влекло. Мы рвались в мастерскую, потому что там всегда было ужасно интересно: там мы являлись как бы слушателями “факультативного” курса наук, альтернативного школьному курсу. Там мы получали первые уроки по истории Армении.

Дед Григор был 1908 года рождения и, когда его об этом спрашивали, обязательно добавлял: “...одного года с Виктором Амбарцумяном”. А родом “карсеци Григор” был, естественно, из Карса. В мастерской он практически никогда не бывал один. Его друзей-посетителей мы знали всех наизусть: и в лицо, и по “досье”. Вот пришел Саркис из Держдана, а это эрзерумский Вагаршак и Папик из Игдира, Арам из Булануха, Хосров из Хнуса, Мушег и Мно из Карса... вся Армения. Все крепкие, жилистые деды лет под 60-65. Они рассказывают, смеются, кричат, ругаются. Кто-то что-то не помнит, кто-то что-то напутал. “Не веришь? Давай спросим у Григора!” Мы молча, разинув рты, слушаем. А что они говорят, что мы слушаем на очередном “факультативе”?

О самоубийстве Мазманова при сдаче Карса (они только так и называют их: Мазманов, Араратов, Бек-Пирумов, Силиков, Корганов, Назарбеков...). Одни их видели, другие служили под их началом. Потом разговор переходит к другой категории людей: их уже называют строго по именам: Дро, Нжде, Андраник, Сепух, Амазасп. Все путается в голове: сражения, победы, поражения, бегство, резня. Имена каких-то грузин: Чхенкели, Жордания (в те годы и футболист, кажется, с такой фамилией был). Один орет: “Дашнаки виноваты”, другой парирует: “Ленин продал Армению туркам, Кемаль его обманул”. Дед Григор: “Если б не дашнаки, то и этого клочка у нас сегодня бы не было”. Другой рассказывает, как выбивали грузинские посты на Лорийском участке железной дороги – почти без боя, прикладами, пинками, по морде, как, завалив полотно камнями, отобрали у грузин командирский бронепоезд...

Пытаешься втиснуть все это в рамки пройденного в школе, – получается какой-то абсурд, в рамки никак не влезает. Но как же во всем этом разобраться? Спрашиваешь дома у взрослых, – кое-что проясняется.

Отец, например, двенадцатилетним парнишкой видел, слышал выступление Нжде, помнил его большие выразительные глаза, суть его речи, – надо защищать свою землю! И опять бежишь в “ликбез” –мастерскую. Там, только там вся правда! С каждым “уроком” картина все более и более проясняется, а с годами вроде бы многое систематизируется, и начинает вырисовываться совершенно иная “новейшая история Армении”, – “история Армении от деда Григора”, в корне отличная от официально предлагаемой нам...

Карс он помнил со всеми улицами и закоулками. Во время последнего, – второго исхода, – в 20-м, они оставили ключи от дома у соседа турка. “Его сыновья тоже меня знают, – говорил Григор. Если даже его уже нет, если я пойду туда, ключи мне дадут безо всякого, они нас хорошо помнят”. И непременно добавлял: “Э-э-э, в 45-м Жуков хотел взять наши земли обратно, да не пустили. Теперь жди, когда еще такой удобный момент придет”. В сотый раз спрашиваем деда: “А когда-нибудь возьмут эти земли обратно?” И в сотый раз дед недоумевает: “Как это возьмут или нет!? Это же наши земли! Как могут не взять!? Возьмут! Обязательно возьмут!!”

...Февраль 88-го дед Григор встретил, как подпольщик встречает революцию: “так и должно было быть!” Несмотря на свои восемьдесят, он исправно ходил на все митинги, а при встрече непременно справлялся: “А про Карс ничего не говорят? Его требовать не будут?” Ну а потом снисходительно “соглашался”: “После Карабаха и Нахичевана придет и черед Карса. Просто уже здоровье не то. А войти опять с войсками в Карс ох как хочется! Да и пользу могу принести во время уличных боев. Ведь город наизусть знаю!”

В независимость Армении дед Григор поверил не после выборов 1990-го, не после референдума или там Декларации. Он окончательно в Независимость поверил только после того, как узнал, что в Армении легально действует партия Дашнакцутюн:

“Раз дашнаки вернулись, значит Армения уже независима”. И добавил: “Они решат и вопрос Карабаха, и вопрос Карса”. А после взятия Шуши с видом знатока утверждал: “Карс, конечно же, будет брать труднее, – там крепость более мощная, но я все подступы хорошо знаю, если нужно, то укажу начальству, где и как войскам пройти”.

Дед Григор спешил. Спешил днем раньше попасть в Карс, – боялся не успеть. И мы, бывшие слушатели его “курса истории”, решили сделать деду сюрприз: повезти его в Карс. Взяли у него фотографии и “сделали” все необходимые документы для поездки в Карс: в начале 90-х сообщение

Ленинакан-Карс еще действовало. Мы вручили деду загранпаспорт и наказали, чтоб через пять дней был готов к поездке. За день до отъезда зашли еще раз, дабы быть уверенными, что к поездке все готово.

Мы вошли и опешили: Григор-пап не был готов к поездке. Мы попытались по возможности сдержанно дать понять: мол так не поступают. Он пригласил нас сесть, улыбнулся: “Успокойтесь и не сердитесь, не думайте, что старик из ума выжил, не понимает и не ценит ваш добрый жест”. А потом продолжил монолог: “Куда я еду, зачем я еду, в качестве кого я еду? Посмотреть, увидеть Карс и вернуться? Посмотреть можно другие страны, другие города в той же Турции. Но мне поехать и “посмотреть” Карс?”

Потом повернулся к двум внукам: “Вот, они меня все пилили: мол, неудобно, люди старались, а ты капризничаешь. Я им объяснил, они поняли. Правда, немножко грубо, но ничего, мы все здесь мужчины. Мне сейчас поехать в Карс, посмотреть этот город и вернуться, – это то же самое, если я пойду, проберусь тайно в дом, где содержат похищенную у меня жену, постою, посмотрю на нее в объятиях чужого мужчины (да простит меня покойная моя Гоар), вернусь и начну всем рассказывать об увиденном. Кто я такой после этого? Карс – это мой дом, мои родители, моя семья, моя земля. И все это отнято у меня. Если я поеду туда, то должен что-то сделать, чтобы или все это вернуть, или же погибнуть при попытке вернуть. Иначе кто я такой? Как на меня будут смотреть турки, когда я подойду к нашему дому, стану и заявлю, что это мой дом, а потом повернусь и уйду? В таком жалком виде и в такой роли перед турками нам уже нельзя представлять”.

Это был последний и самый главный урок деда Григора.

Февраль, 2000г.

КАК ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все гуманисты, – взять хотя бы Лев Толстой, или Альберт Швейцер, – убеждают нас, что война, – это совершенно чуждое человеческому разуму и в корне противное самому естеству человека, явление. Человечество, и главное, – вершители его судеб, – политики, – соглашаются с великими мыслителями. Но... лишь после очередной кровопролитной войны. И не надолго.

Война как была, так, к сожалению и остается пока наиболее реальным и действенным средством решения политических споров. А альтернатива, – переговоры (конечно же, непременно “мирные”!), как правило, начинаются лишь после того, как война пройдет каленым железом по жизням и судьбам тысяч и тысяч людей, целых народов. И как это ни прискорбно, но зачастую именно Война предопределяет ход последующих общественно-политических процессов и истинное место и роль того или иного народа в этих процессах.

В мире нет народа, который бы любил войну, стремился к ней, – это пагубно. Но во сто крат пагубней, – быть не готовым к войне.

Карабахская война была нам навязана и по всем “параметрам” и “стандартам” была для нас войной освободительной и справедливой. И все те территории, на которые ступил сапог армянского солдата, – это не “оккупированные”, не “захваченные” и даже не территории, “занятые по праву войны”, или же “в целях обеспечения безопасности”. Это просто освобожденная часть нашей Родины. И на любых переговорах и неизбежных политических торгах, когда нам предлагают отказаться от части достигнутого в войне, мы должны четко представлять, что от нас в очередной раз пытаются отторгнуть часть нашей Родины.

Порой создается даже впечатление, что наш народ не любит не только саму войну, но он как бы не любит и добытую в войне свою победу. Но такое, – объективно, – не может быть. Просто шкала ценностей у нас в

последнее время дала очень сильный “крен”. К сожалению, – не в лучшую сторону. И не по вине народа. Но несмотря ни на что, мы не имеем права “уствовать на полпути”. Мы обязаны восстановить систему истинных, непреходящих ценностей и довести начатое в 88-м до своего логического конца.

Со всеми соседями надо жить дружно. Это априорно, это аксиома. Но это получается только тогда, когда каждый из соседей живет в **своем** доме.

*Книга издана на средства активистов
Карабахского Движения*

ВЛАДИМИР АРУТЮНЯН

ФЛАГ НАД ЧИНАРОЙ
Рассказы

В сборник включены рассказы и очерки автора, опубликованные
в разные годы в газете “Голос Армении”.

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ԶԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ

ԴՐՈՇԸ ՉԻՆԱՐԻ ՎՐԱ
Պատմվածքներ
(ռուսերեն)

Продаже не подлежит

